ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ОТЪ ТИФЛИСА ДО МЦХЕТЫ.

Платона Іосселіани.

Дѣйствит. члена Императорскаго Одесскаго общества исторій и древностей, члена корреспондента Императорскаго С.-П.-Б. археологическаго и нумизматическаго, и члена королевскаго Аѳинскаго древностей и Парижскаго de la Société Asiatique.

Quamvis obstet mili tarda vetustas,
Multaque me fugiant primis spectata per annis,
Plura tamen memini, nec quae magis haereat illa.
Pectoro res nostro est.
Ovid. Metam. XII. 182.

ТИФЛИСЪ.
1871.

Z19
910.4(479.22)

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Князю Василію Николаевичу Аргутинскому-Долгорукому.

საქართველოს
პარლამენტის
ეროვნული
ბიბლიოთეკა
T128

Перепечатано изъ газеты «Кавказъ» на 1871 годъ, №№ 19, 24, 40, 45 и 48

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ОТЪ ТИФЛИСА ДО МЦХЕТЫ.

(*Посвящается князю Василію Николаевичу Аргутинскому-Долгорукому*).

I.

Тифлисъ древній мною уже описанъ. Начинаю описаніе мѣстъ отъ Тифлиса до Мцхеты. Оно имѣетъ въ виду древность, малоизвѣстную. Знаніе минувшаго необходимо: безъ него нѣтъ настоящаго и будущаго: не изучается ни то, ни другое.

Прошедшее народа достойно вниманія не только для археолога, но и для современныхъ. Оно, конечно, есть могила, въ которой нельзя жить никому, но она не должна быть лишена чести уваженія должнаго: дол-

жна быть изучаема. Объ этой жизни прошедшаго путешественники, достойные своего призванія научнаго, сказали мало, неполно. Свѣдѣнія древняго міра о Кавказѣ и царствѣ подъ его пятою, дошедшія до насъ, являются рапсодическими, отрывочными. Эти свѣдѣнія, при всей сжатости ихъ, требуютъ глубокаго и тщательнаго изученія мѣстности и повѣрки съ лѣтописями современными и мѣстными.

Изъ новѣйшихъ археологовъ Шарденъ, Гюльденштетъ, Дюбоа, Броссе и другіе, имѣвшіе различныя цѣли, сдѣлали многое, но не вполнѣ описали достойное вниманія, по недостатку времени и другимъ причинамъ. Болѣе свободный и по ихъ слѣдамъ, примѣромъ ихъ поощряемый къ розысканіямъ, рѣшаюсь на подвигъ подробнаго, по силамъ моимъ, описанія мѣстъ по пути небольшему, но замѣчательному событіями. Мѣста эти рисуютъ путнику картину древняго положенія народа, ихъ населявшаго. На нихъ представляется великая драма древняго человѣчества подъ щитами Кавказа. Это циркъ гробницъ и могилъ древня-

го міра съ героями его вѣрованій, подвиговъ политическихъ и общественныхъ, временъ дѣтства, зрѣлыхъ лѣтъ и дряхлости, варварства и цивилизаціи. Незнакомый съ исторіею своего народа сравнивается съ членомъ такого рода, который знаетъ наслѣдіе свое древнее, но не знаетъ ни отличій, ни титла, ни значенія своего и предковъ своихъ.

Необходимо быть проникнутымъ сказаніями о прошедшемъ. Надъ ними паритъ сонмъ великихъ именъ древняго и новаго міра, геніевъ наукъ и искуствъ. Путникъ по краю, безъ знанія объ этихъ именахъ, и безъ говора и общенія съ ними явится осужденнымъ на печальное молчаніе и безплодное странствованіе. Онъ—Измаилъ, оторванный отъ домашняго очага и удаленный въ пустыню внѣ круга благословенія небесъ. Онъ—шумный, кичливый, тревожный, ожесточенный боецъ на полѣ изгнанія.

Желающій имѣть предъ собою широкій горизонтъ долженъ подняться на высоту. Исторія поднимете на эту вершину и вы-

соту познаній умъ и взоръ, ею вооруженный,—увидитъ прошедшее, воспользуется настоящимъ и можетъ прозрѣвать будущее.

Описаніе моего пути должно быть не только географическое, но и историческое. Исторія—вѣстница древностей—какъ бы она ни была писана, и учитъ, и занимаетъ, и услаждаетъ читателя, говоритъ Цицеронъ: Historia, nuncia vetustatis, quoquo modo scripta delectat. (IV. 319.) Исторія сама по себѣ занимательна для читателей, говоритъ Витрувій (Tenet per se lectores historia.)

II.

Отъ временъ древнихъ, отъ временъ доисторическихъ, еще въ эпоху миѳъ и въ періодъ образованія миѳологіи, во мракѣ которой зачинается исторія, Кавказъ является на сценѣ событій міра. Мосохъ и племя его мосхійское, Тоболъ и Тибаренцы, Фисонъ—одна изъ рѣкъ земнаго рая, прилагаемая къ Фазису, Гоги и Магоги, находимые въ горахъ Кавказа, указываются первымъ въ мірѣ писателемъ Моисеемъ и пророками. Ученые, сказанія эти именуютъ

библейскими. На нихъ опираются всѣ комментаторы священныхъ книгъ и историки, глубоко розыскивающіе во тьмѣ вѣковъ начало царствъ и народовъ. Ни одинъ изъ этихъ ученыхъ не доказалъ еще научно подлинности индѣйскихъ и китайскихъ книгъ, предполагаемыхъ денстами и учеными односторонними, древнѣе Моисеевыхъ. Напротивъ, болѣе доказаннымъ является то, что понятія о Богѣ, человѣкѣ и мірѣ древнихъ народовъ заимствованы отъ религіи древней, временъ общенія перваго человѣка съ Богомъ, и что эти понятія съ разсѣяніемъ племенъ по міру, въ началѣ перваго толчка ихъ движенію, исказились. Вообще сочиненія, противопоставляемыя священному имени отца историковъ древняго міра, увлекли своими догадками многихъ, но не убѣдили еще науки. Ихъ шествіе въ храмъ науки—есть шествіе самозванца къ трону и святилищу знаній, пугливое, робкое, какъ тѣнь рисуемая воображеніемъ, и какъ сновидѣніе сильное пробужденнаго. Торжественнаго входа его дверями науки въ святилище науки еще нѣтъ, какъ нѣтъ еще

торжественной встрѣчи, безъ которой не обходится никакое, ни въ искуствахъ, ни въ наукахъ открытіе.

III.

Эти сказанія древняго міра, сообщаемыя намъ на письменахъ за 4,000 лѣтъ, дороги и поразительны для науки. Они пріурочены къ тѣмъ слѣдамъ указаній глубокой древности, откуда начинается мое шествіе къ древнему, историческому городу Мцхеты.

Тифлисъ, пишетъ Вольней, древенъ. Онъ Тоболъ библейскій. Мцхета—это столица месховъ или мосоховъ библейскихъ, говоритъ намъ само названіе. До XIV вѣка это названіе *мехійское* (მეხი) и въ устахъ народа грузинскаго и въ лѣтописяхъ его и въ хартіяхъ Птолемея Μεσχητα и подъ перомъ грузинскихъ писателей было какъ бы общимъ названіемъ племени грузинскаго народа, получившаго начало и извѣстность въ верховьяхъ Кура и въ ущельяхъ лихскихъ горъ, отдѣлявшихъ Имеретію отъ Грузіи, или по выраженію грузинскихъ географовъ (სვეტ-მეხი) *Амеръ-имеровъ* (cis

et trans) или же по словамъ греческихъ и и римскихъ космографовъ Колхиду отъ Иверіи.

IV.

Кавказъ и до образованія подъ пятою его въ ущельяхъ и долинахъ живописныхъ, царства за три вѣка до Р. Х. входилъ въ составъ земель союза просвѣщенной Азіи. Народъ его господствующій картлосіанскій или грузинскій, извѣстный въ устахъ грековъ подъ именемъ иверскаго съ одной стороны и колхидскаго со стороны береговъ Понта, является на сценѣ исторіи древняго міра очень рано. Персы считали ихъ за 17 и 19 сатрапіи своей обширной монархіи, какъ пишетъ Геродотъ (1). Аргонавты посѣтили ее за 12 вѣковъ до Р. Х., какъ пишутъ греческіе поэты и историки.

Аргонавты, посѣтивъ городъ Эа, извѣстный во время Р. Х. подъ именемъ *Археополиса*, т. е. древняго города (онъ-же *Накалакеви* на языкѣ грузинскомъ, подъ тѣмъ же этимологическимъ значеніемъ греческаго названія), нашли уже цивилизованный го-

(1) Lib. III. 49.

родъ, къ изумленію всей Греціи и рыцарей Ѳессаліи. Этотъ городъ, это мѣсто священно въ исторіи міра. Въ немъ отразилось первое движеніе ума и торговли европейской къ отдаленному пункту древняго азіятскаго просвѣщенія. Нѣтъ сомнѣнія, что гражданственность его предшествовала колоніямъ греческимъ и что она занесена туда изъ глубины Азіи. Эхо этой гражданственности, до нынѣ слышно въ начаткахъ исторіи рода человѣческаго и космографіи древней. Легкія указанія древнихъ какъ по колхидѣ, такъ и по колоніямъ ихъ на восточныхъ берегахъ Понта, получатъ дальнѣйшее раскрытіе подробное. Мало для науки то, что указано намъ учеными путешественниками Европы. Они бросали взоры на край, на лѣту. Имъ честь и слава. Намъ предстоитъ другая честь, съ указаніями на древнія сказанія, вызвать классическія мѣста на отвѣтъ съ подробностями исповѣди физической, моральной и религіозной ихъ жизни. Этотъ трудъ возлагается на тѣхъ сыновъ народа, населяющаго эти мѣста, которые получаютъ воспитаніе европейское.

Всѣ другіе, внѣ мѣстной сферы, по многимъ причинамъ, не столько принесутъ пользы, сколь вреда наукѣ. Опыты подобныхъ попытокъ людьми, непосвященными въ таинства края и народа, доказываются несчастными для науки ихъ произведеніями. Это явленіе темныхъ силъ въ свѣтломъ краѣ. Въ храмѣ науки нѣтъ имъ мѣста.

V.

Сказаніе объ аргонавтахъ, городѣ Эа, царѣ его Аэтѣ и проч. воспѣто еще Орфеемъ (2) и Аполлоніемъ родосскимъ за 217 лѣтъ до Р. Х. Въ этомъ сочиненіи упоминаются Кавказъ, рѣка Фазисъ, народъ каспійскій и др. Взору историка является и поэтъ Эпименидъ (650 до Р. Х.), воспѣвшій тѣхъ же Аргонавтовъ, и Гомеръ, ясно указывающій на Колхиду, какъ царство мудраго Аэта. Блестящее озеро солнца, имъ воспѣтое, отдѣляемое отъ океана мѣдными стѣнами, ученые объясняютъ не ясною идеею моря Каспійскаго (3). Самое назва-

(2) Mannert, Geographie der Griechen und Römer, Tom. IV. s. 27.

(3) Odyss. 1. X. Иліады, пѣснь 1. Géographie de Maltebrun. Tom. 1.

ніе *Азіи* на языкѣ пельвійскомъ означаетъ виноградъ и вино. Оно дано тому мѣсту, гдѣ началось воздѣлываніе винограда. На грузин. языкѣ слово *вази* (ვაზი) означаетъ виноградную лозу.

Пиндаръ въ одахъ Пиѳійскихъ Иродоту Пиѳійскому, восклицаетъ: «*лѣтомъ приходилъ къ Фазису; зимою приплывалъ къ берегамъ Нила.*» Изъ этого видно, что рѣки эти въ его время означали крайніе предѣлы міра. Такъ и по Страбону (4), Геродоту (5) и Еврипидовой Андромахіи (6). Замѣчательна въ этомъ случаѣ древняя пословица грековъ: Fasis usque navigat (доплывалъ до самаго Фазиса), подобно Геркулесовой: Nec plus ultra (7).

Аристотель (8) именуетъ Каспійское море озеромъ, и въ этомъ видѣ на картахъ Пто-

(4) Lib. XI.
(5) Lib. IV. § 45.
(6) Pag. 651.
(7) Erasmi Chil. 11. Cent. IV.
(8) Meteorolog. Lib. VII. Cap. V. Тоже подтверждаетъ Diod. Sicil. Lib. XVIII. § 5. и Птоломей Geogr. VII. cap. V.

ломея сохранило оно свой сжатый и округленный видъ.

Гезіодъ Аскрейскій, почитая Аэта сыномъ солнца, озаряющаго смертныхъ, пишетъ, что онъ вступивъ по совѣту боговъ съ дочерью рѣки океана Лѣполанитою Идіею, а эта красавица, будучи усмирена златовласою Венерою, родила по любви къ ней, одаренную прелестными ножками Медею (9).

Основывалсь на указаніяхъ пророковъ Исаіи (10) Іезекіиля (11) на распутьи догадокъ, только съ любопытствомъ останавливаемся на томъ новѣйшемъ объясненіи *Фисона*, одной изъ рѣкъ рая, котораго находятъ въ Фазисѣ или Ріонѣ Колхидскомъ. Таково и мнѣніе Розенмюллера (12). Такъ понимали и древніе Евреи. Такъ именуетъ его въ Колхидѣ Прокопій, писатель временъ Юстиніана,—clarissimus Ponti fluvius Phasis (13).

Золото въ этой рѣкѣ по Моисею, считав-

---

(9) Theogon.
(10) 37. 12.
(11) 27. 23.
(12) Bibl. Archeologie. Tom. 1. s. 191. und 202.
(13) De bello Persis. Lib. 11. cap. 30.

шееся наилучшимъ объясняется и самимъ названіемъ золота на еврейскомъ языкѣ *уфаза* или *офаза* у пророка Іереміи (14), злато свѣтлаго у Соломона (15) и Іова (16), гдѣ упоминается о золотѣ Фаза.

VI.

Св. Іеронимъ, великій толкователь священныхъ книгъ пишетъ, что ап. Матѳей проповѣдывалъ во второй Ѳіопіи (названіе усвоенное и до него древними Колхидѣ), гдѣ рѣки Апсара и Гисса текутъ въ море (17). Тоже читаемъ у церковнаго писателя Софронія (18): ап. Андрей проповѣдывалъ въ Севастополѣ великомъ, по близости котораго бросаются въ море рѣки Апсаръ, равно какъ и Фазъ. Ѳіопляне населяютъ эту землю.»

Гоги или магоги,—это родоначальники скиѳовъ, обитавшихъ близъ Кавказа, кото-

(14) X. 9.

(15) Пѣснь пѣсней V. 15.

(16) 22. 24. (Въ евр. текстѣ).

(17) Ubi est irruptio Apsari et Hyssi portus. Рѣки эти въ Колхидѣ. Peripl. pag. 32. Arriani. Pont. Euxin. pag. r. (Editio Huds).

(18) Geogr. Sacra Bocharti Lib. V. cap. 31. §. 286.

рый именовался древними Gog-chasan, т. е. укрѣпленіе Гога, а въ устахъ грековъ, смягчившись, явилось слово Καυκασος. Бохартъ принимаетъ Магога за одно съ Прометеемъ (19). Магометъ повторяетъ это преданіе древнее о Гогѣ и Магогѣ въ своемъ коранѣ (20), полагая ихъ укрѣпленіе въ Даріалѣ Кавказа, извѣстномъ у Плинія и Страбона подъ именемъ воротъ Кавказа (21).

Подъ именемъ мосоховъ библейскихъ (22), Іосифъ Флавій разумѣетъ иверцовъ (23) а подъ именемъ потомковъ Торгамоса Библейскаго у Іезекіиля (24) Армянъ, Иверцовъ и обитателей горъ Кавказа (25). Евсевій Тувала и Мосоха считаетъ за одинъ народъ ради того, что пророкъ Іезекіилъ соединяетъ ихъ (26). Страбонъ въ землѣ мос-

(19) Phaleg. Lib. 1. cap. 11.

(20) Соч. мое: Описаніе г. Душета. Въ коранѣ именуются они *Яджуджи* и *Маджуджи*.

(21) Pylae Caucasiae.

(22) Быт. гл. X.

(23) De Antiquit. Jud. Lib. 1. cap. VI.

(24) Іезек. 37. 14.

(25) Моис. Хор. кн. 1. гл. 8. 24.

(26) Chron. Fragm. Graec. pag. 12.

ховъ полагаетъ и иверцовъ (27). Мѣсто пророка Іереміи (28) о народахъ населяющихъ Кавказъ называетъ армянъ и аскеназцовъ. Святый Ефремъ Сиріанинъ (29) говоритъ: «это были народы горъ Курдистана и пограничные имъ армяне и скиѳы, люди храбрые (сильные) qui Medos in eo bello sequuti sunt,—*слѣдовавшіе всюду въ походахъ мидянъ*. Жившіе между скиѳами и армянами Иверцы, во время Кира были подвластны персамъ, какъ пишетъ Геродотъ и слѣдовательно могли быть на войнѣ съ Киромъ противъ Вавилона за 544 года до Р. Х.

Пророкъ Іезекіиль, упоминая о Месехахъ говоритъ, что «Моссхи и Тубаренцы торговали въ Тирѣ рабами и мѣдными сосудами». Бохартъ справедливо замѣтилъ, что въ Иверіи и Колхидѣ много мѣди и жители весьма наклонны къ употребленію мѣдныхъ вещей. О рабахъ и рабствѣ между ими

(27) Lib. XI.

(28) Гл. 51. 27.

(29) Tom. 11. pag. 161. Traduction de jesuite Piere Benoit.

давно извѣстны древнему міру ([30]). Во времена Лукулла въ Понтѣ и Каппадокіи, сосѣднихъ Тибаренцамъ, рабъ стоилъ 4 драхмы. Мѣдное богатство этихъ мѣстъ, воспѣто и Гораціемъ ([31]).

Mancipiis dives, eget aeris Cappadocum Rex.

Это,—тѣ самые Месхи, съ которыми между прочими народами сѣвера, вели торговлю и финикіане. «Мы объ этой третьеклассной отрасли финикійской торговли, пишетъ Герень ([32]), не знали бы ничего, еслибы пророкъ Іезекіиль не упомянулъ объ ней. Никто изъ греческихъ писателей, сколько мнѣ извѣстно, не зналъ ее». Къ этимъ свѣденіямъ относятся и слова пророковъ Іоиля ([33]) и Амоса ([34]), которые вмѣняютъ въ порокъ и преступленіе Тиру торговлю невольниками. Укертъ ([35]) доказалъ, что фини-

([30]) Herodot. Lib. III. cap. 99.
([31]) Ep. VI. Lib. 1.
([32]) Du commerce des peuples de l'antiquité. Tom. 11. pag. 143 et 145. (Изд. 1833 г.).
([33]) Гл. IV. 1—8.
([34]) Гл. 1. 9.
([35]) Geographie der Griechen und Römer. Theil 1. s. 10. 321.

кіане, совершая путешествія по Черному морю, и имѣя уже на Егейскомъ морѣ свои колоніи, познакомили грековъ съ берегами морей. По слѣдамъ указаній финикіанъ, какъ своихъ учителей, пустились и аргонавты.

VII.

Царство грузинское, обхватившее перешеекъ Кавказа, богатый живописною мѣстностію, роскошный производительностію почвы, дѣлило славу древнихъ царствъ, съ которыми оно было въ союзѣ еще на *зарѣ вѣковъ*. Индія, какъ ключь отъ сокровищницы умственныхъ, общественныхъ и религіозныхъ идей, занесенныхъ туда отцемъ вѣрующихъ, даровала ему письмена. Грузинскія буквы есть тѣже буквы санскритскія нарѣчія Дева-Нагари. Письмена, какъ символы идей, сообщили грузинскому народу понятія древнихъ вѣрованій. Онъ чтилъ Бога въ идолопоклонствѣ во всѣхъ его видахъ. Онъ зналъ пиролатрію съ ея магами, хранителями огня. Онъ былъ подъ вліяніемъ зороастра и его ученія, объявшаго почти всю Азію. Его увлекли было антро-

пофаги, затоптанные скоро проповѣдію религіи, основанной на поклоненіи солнцу, лунѣ и звѣздамъ небеснымъ. Астрологическая религія Македоніи, водворена мечемъ героя македонскаго отъ высотъ Кавказа до береговъ Инда и предѣловъ Турана. Въ подтвержденіе словъ груз. лѣтописца, замѣчательны слова Плутарха: «ради Александра, Бактріана и Кавказъ стали поклоняться богамъ греческимъ».

Propter Alexandrum Bactra et Caucasus Graecorum Deos adorarunt (36). Религія Христа, разсѣявшая мракъ заблужденій, утвердилась въ груз. народѣ и ее не могъ поколебать самый исламизмъ грозно, и побѣдительно шествовавшій къ его царственному храму. Шестимилліонный народъ еще при Тамерланѣ, (такъ по вѣрнымъ даннымъ. Да неизумляется числу сыновъ народа, не изучившій прошедшее народа!) крѣпко оберегалъ эту религію Христа, плодовитую для человѣчества, какъ плодовитъ умъ человѣческій, значеніе котораго только и объясняется и поддерживается христіанствомъ.

(36) De fort. Alexandr.

საეროვნო ბიბლიოთეკა

Христіанство есть дополненіе недостатков Ума, свѣтъ высшій для освѣщенія всѣхъ способностей души, въ ея вѣчномъ прогрессивномъ ходѣ по пути розысканій о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ. Только христіанство и только оно способно дать свободу человѣку, которой онъ ищетъ по основной идеѣ о любви христіанской, *распространяющей сердце*, по выраженію ап. Павла. Только объятія безпредѣльнаго пространства сердца, могутъ упрочить идею всемірнаго братства подъ высокою охраною одного отца небеснаго. *Отче нашъ*! восклицаетъ спаситель, давъ намъ высокую молитву, основу всѣхъ молитвъ, зиждительницу другой высоко философской, достойной разума и значенія человѣческаго молитвы, созданной молящеюся, воинствующеюна землѣ церковію «о мирѣ всего міра». (Ὑπὲρ τῆς εἰρήνης τοῦ σύμπαντος κόσμου).

VIII.

Населеніе города Тифлиса, внѣ стѣнъ его древнихъ, разрушенныхъ недавно, при нашихъ глазахъ, оканчивалось къ сѣверу *Верійскимъ* спускомъ. Церковь во имя св. Ан-

дреи Первозваннаго съ ея древними фризами и надписью была послѣднею съ этой стороны. Она, служившая до нынѣ хранилищемъ пороха, ожидаетъ возстановленія въ своемъ назначеніи и образованія изъ нея прихода для умножающагося городского населенія. Двѣ другія по подолу горныхъ высотъ селенія *Цкнети* (წყნეთი) изчезли въ XVII вѣкѣ.

Эта древняя грань столицы царства украсилась въ 1837 году памятникомъ, напоминающимъ посѣщеніе города императоромъ Николаемъ I. На пьедесталѣ изъ прекраснаго кавказскаго базальта красуется въ большомъ размѣрѣ крестъ чугунный съ надписью словъ пророка: «Живый въ помощи вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится». Крестъ—сила вѣрующихъ, будетъ долго напоминать спасительную вѣру царя благочестиваго въ силу промысла Божія, спасшаго его отъ угрожавшаго ему паденія съ коляски при спускѣ Верійскомъ, нивилированномъ и поправленномъ послѣ печальнаго, но имѣвшаго счастливый исходъ событія. Памят-

საქართველოს
პარლამენტის
ეროვნული

ванія царствъ и народовъ. Не безъ причины писалъ мудрый Надиръ-шахъ къ правителю своему въ Тифлисѣ: «Не раздражать грузинъ, сильныхъ вѣрою въ христіанскаго Бога». Такъ все было проникнуто вѣрою въ крестъ, даже самое оружіе народа и царей. Замѣчательна надпись на ружьѣ царя Ираклія 1 (1675—1710) (¹).

ირაკლისა ხიქადულო, საძლეველო მტერთა, ჯუ̂არო ქრისტესო!

Хвала Ираклія, одолѣніе враговъ, ты крестъ Христовъ!

IX.

Вера въ устахъ народа, или правильнѣе *Вере*, есть древнее мѣстечко или предмѣстіе города. Названіе это, созвучное слову «Иверія», ввело нѣкоторыхъ въ этимологическую ошибку.» Подъ такимъ названіемъ извѣстны двѣ другія мѣстности въ Грузіи: около Атени, карталинскаго ущелья, и въ Сквирети.

Ущелье *Верійское* всегда было богато садами фруктовыми и виноградными. По не-

(¹) Соч. мое: Описаніе древностей Тифлиса. Стр. 186

никъ этотъ вполнѣ приличенъ и событію и Тифлису христіанскому, подъ знаменемъ креста зачатому, существовавшему и продолжающему свое дальнѣйшее процвѣтаніе. Крестъ, въ основаніи города положенный, неодолимъ врагами ни физически, ни умственно. Его колеблютъ умы невѣрующихъ въ его силу, какъ колеблетъ дуновеніе вѣтра листъ деревъ. Внѣ указаній креста—нѣтъ пути къ жизни. Внѣ свѣта его—нѣтъ свѣта для ума, ищущаго истины, добра и красоты—основъ твердыхъ для счастія и благоденствія рода человѣческаго. Религія креста Христова, въ какихъ бы формахъ она ни являлась, есть и будетъ инстинктивно врожденною, присущею душѣ, душею души человѣческой.

Народъ грузинскій, воспитанный въ идеяхъ креста, всегда считался и врагами его и не врагами или мнимыми друзьями, неодолимо свободнымъ. Онъ былъ дѣйствительно свободенъ, потому что былъ сильнымъ. Онъ былъ сильнымъ, потому что онъ опирался на убѣжденіяхъ крѣпкихъ науки о крестѣ, какъ на сильной опорѣ существо-

му протекаетъ рѣчка *Вера*, орошающая сады, а въ древности двигавшая жернова мелкихъ мельницъ для селеній, по сторонамъ ея теченія бывшихъ, уцѣлѣвшихъ до нынѣ и исчезнувшихъ въ дни печальные края отъ бродившихъ по нему грозныхъ сыновъ Дагестана.

Надъ потокомъ рѣчки *Вера*, раздѣляющемъ ущелье, устроенъ мостъ каменный древними царями. Обновитель его есть царь Ростомъ (1634—1658), тотъ самый, который построилъ на р. Храмѣ мостъ замѣчательный своею архитектурою, извѣстный подъ именемъ *краснаго* на русскихъ картахъ и у грузинъ *разбитаго*, *треснувшаго* (ბზარული ხიდი).

X.

Въ верховьяхъ рѣчки *Вера* цѣла еще великолѣпная церковь Бетанійской или Виѳанской Божіей матери. Она построена царицею Тамарою (1184—1212). Вся раскрашена живописью византійскою, вполнѣ сохранившеюся до нашихъ дней. Была усыпальницею членовъ рода князей Барато-

выхъ. Палестинская Виѳанія дала ей названіе и существованіе. Струи Кедрона и Силоэ, пріурочены къ этому мѣсту, по-этическому мѣстоположеніемъ, значеніемъ, именемъ царицы—предмета пѣснопѣній, творившей ученыхъ, героевъ и поэтовъ, какъ умовъ выспренныхъ, парящихъ (Mens divinior) на крыльяхъ словъ языка, образовавшагося по лирѣ высокой пророковъ и отцевъ церкви христовой.

Свѣтлѣйшій князь М. С. Воронцовъ въ 1848 году осмотрѣлъ эту мѣстность, посвященную христіанскимъ геніемъ царства, царицею Тамарою владычицѣ небесъ и земли. На сѣверной сторонѣ храма есть и портретъ самой царицы, подносящей Божіей матери храмъ, ею созданный. Этотъ портретъ скопированъ тогда же княземъ Г. Г. Гагаринымъ и отлитографированъ въ Тифлисѣ. Не можемъ не вспомнить объ этой эпохѣ при имени князя М. С. Воронцова. Пробудились музы мира и мирныхъ занятій среди громовъ въ Дагестанѣ. Изданіе древнихъ книгъ грузинскихъ, памятниковъ умственныхъ народа древняго, со-

зданіе театра для сцены создавшихся театральныхъ піесъ грузинскихъ и изданіе ихъ на свой счетъ, поощреніе академика Броссе къ собранію археологическихъ свѣдѣній о краѣ, порученіе князю Г. Г. Гагарину росписать византійскою живописью Сіонскій храмъ въ Тифлисѣ по остаткамъ древнихъ очерковъ на всѣхъ пунктахъ грузинскаго православнаго царства; разсѣяніе по краю виноградныхъ и фруктовыхъ деревъ, выписанныхъ имъ изъ благодатныхъ для нихъ мѣстъ Европы, очищеніе и облагороженіе музыкальнаго уха востока вызовомъ итальянской труппы для оперъ и проч. проч.—занимало его высокій умъ среди другихъ государственныхъ занятій. Будучи близкимъ къ этому геніальному правителю, ангелу-хранителю края, я позволю себѣ планъ и принципъ его дѣйствій выразить въ слѣдующей формулѣ, не разъ мною замѣченной: «Изучалъ прошедшее, какъ урокъ для будущаго, не сожалѣя о его потерѣ; надѣялся на будущее, разсѣвая новыя идеи и новыя понятія; приготовлялъ къ лучшему и природу и людей, не замѣчая какъ-бы за

ихъ недостатками. Этого правила мудрости политической строго, систематически, методически держался онъ самъ лично, не давая никому права измѣнять его. Воспоминаніе прошедшаго лучшаго—есть отрада для души человѣческой. Побуждаемый этимъ естественнымъ, человѣку присущимъ чувствомъ, опять позволю я себѣ сказать, что въ путешествіи съ нимъ отъ Тифлиса до Ахталы (2) въ дорогѣ, со всею смѣлостію и откровенностію, высказалъ ему угаданную какъ будто мною его политику. Онъ мнѣ съ удовольствіемъ отвѣтилъ: «Это не правило и система моя, а законъ, мудростію налагаемый на правителей для непремѣннаго исполненія высокой обязанности—любить народъ и вести страну къ улучшенію и совершенству.»

XI.

На близкомъ разстояніи отъ Бетанійскаго монастыря, по теченію рѣчки *Вера* тихой, какъ тихъ духъ отшельниковъ подъ сѣнію

---

2) Путешествіе это было въ мартѣ мѣсяцѣ 1850 года. Тогда же издано оно въ Тифлисѣ.

храма, дышущій вѣрою въ заслуги Спасителя и любовію къ человѣку, но и шумной и волнуемой въ дни атмосфернаго шума, какъ шуменъ и волнуемъ духъ ревности въ идеѣ дома Божія, снѣдавшій самаго пророка (³) и преемниковъ его духа,—стражей небесной правды, среди неправды земной,—есть опустѣвшее мѣсто *Шавта* (შავთა). Здѣсь родился поэтъ временъ царицы Тамары, современникъ Шоты Руставели—царя грузинскихъ поэтовъ, поэтъ Абдулъ-Мессія Шавтели (1150—1215).

XII.

Названіе *Абдулъ-Мессія* означаетъ на арабскомъ языкѣ «раба Мессіи». Въ эпоху калифовъ языкъ арабскій въ Грузіи, входившей въ VII и VIII вѣкахъ въ составъ калифата, былъ въ большомъ употребленіи. Названіе *раба Мессіи»* усвоили намѣстники калифата. Слова эти являлись и на монетахъ ихъ чекана въ Тифлисѣ. Христіанское имя поэта при крещеніи неизвѣстно. Оно забыто монашескимъ именемъ Іоанна.

(³) შურმან სახლისა შენისა შემჭამა მე.

Названіе «Шавтели» усвоено ему мѣстомъ «Шавта»—его рожденія. Кто былъ, чѣмъ былъ, незнаемъ. Шота Руставели въ строфѣ 1637 въ числѣ другихъ поэтовъ, упоминаетъ и объ немъ, какъ *поэтѣ, прославленномъ въ высокой наукѣ стихотворства.*

აბდულ-მესსია შავთელსა, ლექსი მას უქებ
რომელსა.

Абдулъ Мессія Шавтійскій....

Всѣми стихамъ его восписана хвала.

Католикосъ Антоній I (1712—1788) въ ямбическихъ стихахъ своихъ, воспѣвая ему панегирику, именуетъ его Іоанномъ въ иночествѣ, отцемъ церкви грузинской блаженнымъ, поэтомъ-философомъ, твердымъ въ мышленіи, свѣтлымъ въ поученіяхъ, богословомъ, пѣвцомъ прославленнымъ Шотою Руставели и прославившимъ царицу Тамару въ стихахъ, понимаемымъ всѣми за преподобнаго и за святость жизни предстоящимъ Богу ([4]).

([4]) Изд. мое по приказанію князя М. С. Воронцова: похв. слова въ честь знаменитыхъ мужей царства. Тифлисъ, 1853. стр. 770. 771 (на груз. языкѣ).

XIII.

Дошедшее до насъ его похвальное слово въ честь царицы Тамары состоитъ изъ 108 куплетовъ. Оно издано мною въ 1838 году въ Тифлисѣ по рукописи недавней, уступленной свѣтлѣйшему князю М. С. Воронцову для его библіотеки въ Алупкѣ. Изданіе это мое, въ первый разъ явившееся печатно, посвятилъ я царицѣ имеретинской Маріѣ Каціевнѣ, покровительницѣ моей въ годы моего воспитанія въ С.-П.-Б. (1831—1835). Размѣръ стиховъ поэта Шавтели есть александрійскій по роду стихосложенія, извѣстнаго у грековъ и Квинтиліана подъ именемъ Анталаклазисъ (Antanaclasis) (5). Этотъ родъ стихосложенія введенъ въ грузинскую словесность поэтомъ временъ Шавтели и Руставели Чахрухадземъ, который и далъ ему названіе *Чахрухійскаго* (ჩახრუხული) Игра словъ, выражающихъ высокія мысли поэта, необыкновенна. Она темна, но доказываетъ гибкость языка и богатства

(5) Повтореніе одного и тогоже слова въ разныхъ значеніяхъ, есть характеръ этого рода стихосложенія.

его. Знакомство поэта съ языкомъ греческимъ и его писателями, видно изъ многихъ его мыслей и именъ лицъ классическихъ генія Олимпъ, Аѳинъ, Родоса и мѣстъ міра, ими завоеванныхъ для искуствъ и науки. Обиліе такихъ идей ума греческаго, парившаго надъ міромъ на крыльяхъ словъ высокихъ, научныхъ, безъ которыхъ не обходятся языки новые царствъ Европы—міра недавняго, наслѣдника сокровищъ искуствъ и ума міра древняго,—неповредило самостоятельности языка грузинскаго подъ перомъ поэта Шавтели. Читатель поэмы нигдѣ не встрѣчаетъ солецизмовъ, грецизмовъ. Темныя мѣста, необъясненныя мною при изданіи, есть слѣдствіе частію оригинала, писаннаго неискусною рукою списателя книги, частію поспѣшности, съ какою я ее издалъ. Найду-ли время и средства къ отчетливому изданію этого классическаго сокровища?

XIV.

Переводъ съ одного языка на другой—подвигъ трудный. Это—второе рожденіе

и тѣмъ труднѣе, чѣмъ сложнѣе формы рожденнаго.

Мысль переводима или переходима съ одного языка на другой, но форма мысли, оттѣнки и гармонія ея неуловимы. Переводить мысль, значитъ ловить впечатлѣнія, недоконченныя мечты воображенія или душу самаго поэта и какъ-бы неопредѣленные, несвязные звуки ея лиры. Чтоже останется въ рукахъ перелагателя отъ такого, какъ-бы перерожденія мысли? То, что называется общимъ языкомъ человѣчества, понимающимъ себя, чувствующимъ себя, отзывающимся въ душѣ человѣка эхомъ живымъ, мелодіею человѣческой мысли. То, что въ наукѣ называется внутреннымъ чувствомъ. То, что Данте опредѣляетъ и разумѣетъ.

«Il parlar che nell' anima si sente».

„ენითა მით, რომლითა სული საუბრობს.“

Попытаюсь передать на русскій языкъ строфу 22 его пѣснопѣній, не ручаясь за успѣхъ въ передачѣ возгласовъ отъ струнъ высокой лиры поэта, пѣвца и Пинда и Сіона.

თუ̂ალი ხარ ბრმათა, თჳთ მზრდელი
ყრმათა;
მშიერთა პური, უსახლთ სართული;
მამა ობოლთა, მსაჯული ქუ̂რივთა;
შიშუ̂ელთა სამოსლად მინიჭებული;
მოხუცებულთა, შრომით რებულთა,
სიმტკიცის
კუ̂ერთხად მისაყრდნობელი;
მოგუ̂ფენ სიბრძნეს, წერილთ სიღრმეს;
თჳთ განგუ̂მარტებ, მაღლთა მოსწრობელი.

Ты глазъ слѣпымъ, сама кормилица дѣтей;
Голоднымъ хлѣбъ, бездомнымъ домъ,
отецъ сиротъ, судія вдовъ,
Нагимъ въ одѣжду дарована ты,
Старцамъ, трудами удрученнымъ,
въ жезлъ опоры ты дана;
Проливаешь намъ мудрость, глубину
смысла книгъ ты объясняешь,
Вѣстница дѣлъ святыхъ.

Вотъ и переводъ этой же строфы на армянскомъ языкѣ, сдѣланный С. Е. Бастамовымъ:

Ա՛չք ես դու կուրաց, դայեակ մանկտույ.
Հ՛աց ես քաղցելոց, անտընակաց օթ օթեւան.
Հ՛այր տածիչ որբոց, դատաւորազ այրեաց.
Մ՛երկաց զգեստ ես 'ի վերուստ բաշխեալ.
Ծ՛երոց հիւծելոց ցուպ ես հաստա-
հարուստ.
Յօղես 'ի մեզ զիմաստութիւն, զխորս
գրոց վարդապետես.
Գ՛ործոց բարեաց ուսեալք ազանձնանս:

Этому же лицу обязаны мы переводомъ почти пятой части поэмы «Барсова кожа». Переводъ этотъ на народномъ армянскомъ языкѣ помѣщенъ имъ въ издававшемся съ 1860 по 1864 годъ армянскомъ журналѣ: *«Журавль Арменіи»*. Не смотря на скромность перелагателя ихъ, боявшагося вопроса, могутъ-ли на необработанной пока тифлисскаго простонароднаго нарѣчія, почвѣ, рости цвѣты поэзіи Руставели?—переводъ риѳмованный удался. Удался, говорятъ, и переводъ отрывковъ Руставели на польскомъ языкѣ, сдѣланный подъ надзоромъ поэтическаго же генія князя Г. Д. Эристова, издавшаго ихъ въ одномъ изъ польскихъ жур-

наловъ въ Варшавѣ въ 1836 году. Эти два лица достойно присѣдаютъ у святилища храма великаго поэта-генія. Г. Бастамовъ, по скромности, достойной пѣвца, писалъ ко мнѣ: «Если я не успѣлъ въ своемъ стремленіи, достигнуть цѣли перевода болѣе точнаго, то потому, что некому было мнѣ сказать: «Circumde tibi vestimentum tuum et sequere me». Поэзія есть вдохновеніе. Поэты и перелагатели ихъ вдохновляются и симпатизируются. Со стороны имъ крыльи не даются. Ни кто не въ силѣ указать имъ мѣста и правилъ для полета и паренія. Они сами услышатъ зовъ музы высокой: «облекись въ одежду твою и слѣдуй за мною».

XVI.

Въ поэзіи Шавтели все дышетъ истиною, и религія, и политика, и семейство, и устройство общественное въ укоръ баснописцамъ древнимъ и скептикамъ нашихъ временъ. Этотъ скептицизмъ, столь полезный въ рукахъ крѣпкаго ума, какъ начальный шагъ генія, доводилъ многихъ до атеизма, который есть плодъ поврежденнаго, уничиженнаго ума и оскорбленіе,

наносимое не творцу, а человѣчеству, всѣму творенію.

Недостатокъ равновѣсія между воображеніемъ и разумомъ вводитъ въ грѣхъ и преступленіе паденія нравственнаго поэтовъ, неоцѣнивающихъ дарованія въ его высокомъ назначеніи отъ природы, творящей и рождающей ихъ. Ораторы бываютъ и дѣлаются, а поэты раждаются (Oratores fiunt, poetae nascuntur) твердилъ древній міръ. Руставели, Чахрухадзе, Шавтели остаются образцами поэзіи грузинской и зрителями на отдалившихся отъ значенія, цѣли и достоинства Парнасса поэзіи поэтовъ, какъ на павшій съ высотъ истиннаго небеснаго Парнасса чинъ *денницы* помраченной. (Lucifer. შუქმოხილი).

Таковъ Байронъ, великій геній, но падшій въ дикую поэзію, дальше отъ свѣта и творца мірозданія; пѣвецъ мрака и отчаянія, крови, смерти; глазомъ сатаны, измѣрявшій міръ и его вѣчные, нравственные законы; искавшій тѣни бога зла и злобы. Славы нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ добродѣтели.

Et toi, Byron. . . . . .
Ton oeil, comme satan, a mesuré l'abime
Et ton âme, y plongeant loin du jour et de Dieu.
Roi de chants immortels, reconnais toi— toi meme!
La gloire ne peut etre oú la vertu n'est pas (6).

Если обитатели небесныхъ селеній, говоритъ Кювье, принимаютъ участіе какое нибудь въ событіяхъ нашей земли, то безсомнѣнія тогда, когда видятъ на ней прославленіе людей, благородно употребляющихъ дарованія небесныя (7).

Свѣдѣнія о жизни поэта Шавтели недошли до насъ. Но думаютъ, что онъ былъ первымъ настоятелемъ Вноанской или Бе-

(6) Lamartine. Medit, poetique: L'homme.

(7) Si les habitants des demeures célestes prennent uelque part aux événements de ce monde, c'est sans doute lorsqu'ils voient honorer par les hommes ceux qui ont toujours fait un noble usage des dons du ciel.

Réponse de M. le baron Cuvier a M. de Lamartine. Oevres complétes de Lamartine. Bruxelles. 1846. pag. 293.

танійской обители, созданной царицею Тамарою, можетъ быть и не безъ указаній его. Величіе храма и живописныхъ мѣстъ, и звуки отъ остатковъ поэзіи Шавтели чрезъ 7 вѣковъ,—есть своего рода остатки, процвѣтавшаго когда то здѣсь рая и для глазъ и для слуха. Натура и подражанье ей въ гармоніи, выраженіями словъ пѣвучихъ, распѣваемыхъ, есть уже поэзія. Уединеніе сосредоточиваетъ и укрѣпляетъ способности души. Не безъ основанія оно избиралось пророками, поэтами, философами, святыми и великими людьми во всѣ времена.

XVII.

Что теперь видится въ этой Шавтѣ, родившемъ генія поэзіи? Ничего кромѣ развалинъ пустыни Бетанійской съ одичавшими деревьями вокругъ и не въ дальнемъ отъ нея разстояніи лѣтній домъ барона А. П. Николаи и облагороженный, говорятъ, старый, фруктовый садъ прививками новыми лучшихъ европейскихъ деревъ, уже дающій плоды. Нѣтъ въ нихъ, какъ вокругъ ихъ того кипучаго населенія, остатки которыхъ

видны, но неописаны. Судьба края впереди. Онъ ожидаетъ рукъ и мыслей будущихъ поколѣній. Міръ, водворенный мирнымъ полсвѣтнымъ царствомъ русскаго генія разовьетъ мѣсто это поэтическое, откуда эхо имени поэта въ продолженіи 7 вѣковъ звучитъ еще въ исторіи, литературѣ, въ умѣ, въ сердцѣ и на устахъ народа грузинскаго. Поэты неумолкаемы, безсмертны. Не даромъ языкъ поэтовъ, по мнѣнію вѣковъ, есть языкъ боговъ. Сама натура— небо и земля своею гармоніею строенія, есть поэзія. Земля и небеса поютъ славу создателю своему. Благодарностію переполненное сердце поетъ. Такъ пророкъ *скакаше игралъ* передъ святынею кивота. Таковъ гимнъ творенія во славу творца творенія!

Таково настроеніе природы человѣческой. Въ немъ законъ природы, а не наука. Оно, скажемъ словами Цицерона (Ad hunc legem non docti, sed facti sumus), неизучается людьми, но имъ врожденно.

XVII.

При громкомъ имени поэта Шавтели,

остановлю вниманіе читателя на поэзіи грузинской. Она современна народу древнему и шла рука объ руку съ народами древними, по сосѣдству съ ними, имѣвшими на него вліяніе. Лидійцы, Мидяне, Персы, Сирійцы, Финикіане, Египтяне, Греки и Римляне, Арабы и народы Турана приражавшіеся къ нему войною, торговлею и религіею могли оставлять слѣды общенія и сношеній своихъ съ Грузинами, владыками Кавказа. Съ поэзіею литературною и до образованія письменъ за вѣка 3 до Р. Х. могли познакомить и Евреи, поселенные около Мцхеты за 700 лѣтъ до Р. Х.

Попытаюсь на лѣту по дорогѣ сказать объ этой поэзіи грузинскаго народа то, о чемъ еще не говорено ни кѣмъ. Попытаюсь, повторю опять, сказать печатно о Піитикѣ грузинской на столько, сколько позволятъ мнѣ предѣлы моей статьи, познанія мои и сохранившіяся указанія въ книгахъ грузинскихъ, существующихъ въ рукописяхъ.

Съ робостію принимаюсь за эту попытку. Робость останавливаетъ смѣлость и часто обуздываетъ ее, какъ шагъ къ дерзо-

сти и очень, часто по слабости натуры человѣческой, къ самонадѣянности, сосѣдкѣ гордости, порождающей всѣ заблужденія и потому вредной для науки и на поприщѣ жизни.

XVIII.

Объяснить начало поэзіи народа древнѣйшаго, извѣстнаго за 1200 лѣтъ до Р. Х. невозможно, по недостатку указаній письменныхъ. Склонность къ подражанію мѣрнаго движенія, указываемаго натурою и къ риѳмѣ, почитаемой Аристотелемъ первоначальною причиною поэзіи, какъ древнѣйшей изъ всѣхъ искуствъ разума, безъ сомнѣнія побуждала и этотъ народъ къ пѣнію и распѣванію мѣрному (წყობითი) удовольствій душевныхъ и горестей жизни. Но какая была форма этихъ поэтическихъ израженій? Гдѣ пѣсни вѣковъ древняго міра, оглашавшія лѣса, горы и долины въ странѣ, услаждавшей страшныхъ обитателей Кавказа и ужасавшей древній міръ и воителей похода аргонавтовъ? Гдѣ плоды удивленія къ безмолвной природѣ, всего чуднаго, чрезвычайнаго и таинственно—не-

изъяснимаго въ человѣческой жизни, посреди многоразличныхъ сплетеній судьбы? Гдѣ плоды воображенія, смѣлой фантазіи, замѣнявшей мыслимость, и возносившей ихъ отъ обыкновенныхъ отношеній вещей въ мірѣ къ міру призраковъ, мечтаній, мистицизма, въ область небесъ. Эти вопросы останутся навсегда тайною для насъ.

Исторія повѣствуетъ, что письменность введена въ Иверіи царемъ Фарнаозомъ (302—237 до Р. Х.) за 3 вѣка до Р. Х. Безъ сомнѣнія были и плоды этого искуства—отливать слова для глазъ на времена безконечныя. Уже послѣ Р. Х. послѣ принятія Грузинами христіанской религіи народъ грузинскій познакомился съ высокими описаніями красотъ величія Божія въ псалмахъ пророка Давида и вмѣстѣ съ этими и со всѣми книгами священными и церковными. За всѣмъ тѣмъ невидно, чтобъ поэтическій духъ отразился въ чемъ нибудь. Литература не представляетъ ни одной пѣсни древней. Нѣкоторыми отцами церкви писались пѣсни церковныя, но прозою и доказываютъ чистоту слога и едвали не при-

надлежатъ позднѣйшему времени. Поэзія всегда предваряетъ прозу, подобно какъ полезный плодъ родится отъ блестящаго цвѣта. Эти, сомнительныя по мнѣнію моему, произведенія литературы, какъ молитвы св. Шіо (VI вѣкѣ), надпись на стѣнѣ церкви въ селеніи Нузало въ ущельѣ Нарскомъ и др. дѣйствительно дышутъ поэзіею Языкъ грузинскій является въ нихъ высоко облагороженнымъ.

XIX.

Законодатели умовъ, коснѣвшихъ въ тьмѣ язычества въ первобытныя времена образованія народа или въ періодѣ его дѣтства, безъ сомнѣнія дѣйствовали поэзіею. Ею населяли они рай—ожиданіе надеждъ души безсмертной и адъ,—устрашавшій души, непокорныя волѣ боговъ. И не въ одной Греціи, заставляли плясать тигровъ и волковъ и камни всходить на стѣны. И въ Грузіи были Орфеи и Амфіоны, Нумы, сводившіе въ поэтическихъ картинахъ законы для соединенія въ общества людей, бродившихъ по горамъ и лѣсамъ. Были люди, называемые Платономъ *божествен-*

ными (2) и Луканомъ *священными*, во имя Бога гремѣвшіе въ народѣ дикомъ, люди сознававшіе въ себѣ вдохновеніе божества.

Est Deus in nobis, agitante calescimus illo.

Impetus hic sacrae semina mentis habet (3).

Богослуженіе этого народа, безъсомнѣнія сопровождалось пляскою, какъ предтечею поэзіи и руководительницею ея, и музыкою, требовавшею словъ пѣвучихъ, размѣренныхъ. Отъ того и дали одно имя законамъ и пѣснямъ, говоритъ Ж. Ж. Руссо, разумѣя, безъсомнѣнія слово vomos.

XX.

Вкусъ народовъ выражается различно при составленіи стиховъ. То, пишетъ Ноэль въ своемъ Gradus ad Parnassum, что безконечно пріятно въ одномъ языкѣ, то противно вкусу другаго языка. Лучшіе стихи, продолжаетъ онъ т. е. тѣ, которые производятъ удовольствіе сильнаго эффекта въ

(2) 3 кн. о законахъ.

(3) Ovid. Lib. VI. fastorum.

Поэзіи новѣйшей и которые нравятся слуху изъ устъ языковъ французскаго, италіанскаго, нѣмецкаго, кажутся противными въ стихахъ греческихъ и латинскихъ. Отъ этого, говоритъ онъ, и размѣръ греческихъ и латинскихъ стиховъ, основанный на количествѣ слоговъ, никакой неимѣетъ пріятности въ поэзіи новѣйшей.

Стихи восточныхъ языковъ, совершенно удаленныхъ отъ европейскихъ періодами вѣковъ, имѣютъ совершенно иной характеръ. Какъ вообще стихи основаны на выраженіяхъ чувствъ и страстей, то и пріятность ихъ для слуха, должна зависѣть отъ настроенія духа и воображенія—единственной способности для творчества поэтическаго. Поэзія есть движеніе инстинктивное души, прирожденное человѣку. Источники этихъ струнъ сердца (sursum corda) скрываются въ глубинѣ изгибовъ природы человѣческой, созданной для стремленія къ идеамъ истины, добра и красоты, какъ бы она ни являлась пошатнувшею въ своемъ стояніи среди мірозданія. Человѣкъ палъ, но паденіе его, на было паденіемъ

мрачнаго духа, потерянnаго для свѣта. Въ немъ остались слѣды образа Божія нестертыми, или скажемъ словами философа Канта: человѣкъ и міръ,—царство его стоянія являются сдвинутыми съ точки равновѣсія, но эта потеря равновѣсія, скажу и я отъ себя, поддержана высшею десницею, или если угодно кому сказать, самимъ свойствомъ природы человѣческой, не поддавшейся мраку, и разрушенію, но болѣющей и врачуемой откровеніемъ свыше, высокими правилами философіи христіанской, основанной на умѣ человѣческомъ, который прогрессивно есть продолженіе того же откровенія. Да несмущаются Деисты, не убѣждаемые въ этомъ законами нравственными природы. Отъ этого и зовъ свѣта въ немъ къ истинѣ, добру и красотѣ есть настоятельное требованіе натуры человѣческой, чуждающейся и усажающейся мрака нравственнаго. Явленіе невѣрія въ сердцѣ, сардоническая насмѣшка на устахъ, нечистыя картины воображенія, циническіе куплеты въ звукахъ голоса, успѣхъ въ неправдѣ, преступленіе въ свободѣ, угодливость деспоти-

зму, и тиранiи и т. п. есть произведенiе не убѣжденiя разумнаго по уму и натурѣ, но увлеченiе по страстямъ, какъ парусамъ корабля, дурно установленнымъ. Человѣкъ созданъ быть подражателемъ. Ему нужны не одни уроки, но и образцы. Исторiя мiра и людей, какъ изложенiе путей провидѣнiя, или другими словами научными, изложенiе нравственныхъ началъ мiрозданiя, откроетъ ему эти образцы, модели, и онъ явится тѣмъ, чѣмъ долженъ онъ быть въ челѣ творенiя нашей, извѣстной намъ планеты. Человѣкъ есть владыка, царь и помазанникъ природы. Его стихiя свѣтъ: во мракѣ онъ жить не долженъ.

XXI.

Поэзiя есть музыка. Музыка нравится. Она льститъ чувствамъ. Почему же эта музыка слова нравится человѣку? Отъ того, что стихи есть пѣнiе слова, что пѣвучее слово (chanté) больше нравится, чѣмъ прозаическое, просто разговорное. Если же возникаетъ вопросъ, говоритъ Поэтъ и философъ Ламартинъ, почему же распѣваемое слово больше нравится слуху, чѣмъ разго-

верное и просто произносимое? Ответъ мой говоритъ онъ же, будетъ: ни чего объ этомъ я не знаю и сказать не могу, и что объ этомъ должно обратиться съ вопросомъ къ тому, который создалъ и устроилъ чувства и уши человѣка, впечатлительнаго при текучести словъ, при симметріи, при мѣрѣ и мелодіи звуковъ и словъ. Рифма и гармонія,—эти два закона таинства природы, образующія высокую, верховную, высшую красоту, или высшій, изъящный порядокъ, строй слова. Самыя сферы небесъ движутся мѣрою риѳмы божественной, творчества. Звѣзды поютъ. Пророки зовутъ на подвигъ пѣнія и воспѣванія славы небесамъ рѣки, моря, градъ, снѣгъ, молнію, животныхъ, царство растительное и ископаемое, и даютъ отъ себя какъ-бы въ подмогу словамъ и движенію и тимпаны, и самвики, и кимвалы, и арфы, и трубный гласъ, и свирѣли, и гусли, и органы, всѣ орудія искуственныхъ возгласовъ, для выраженія усиленнаго восторга сердца человѣческаго.

Востокъ, съ остатками его цивилизаціи древней, сохранилъ свой музыкальный строй

образованія стиховъ, по строю образованія чувствъ и ощущеній, какія внушали ему климатъ, вѣра, положеніе страны степное, горное, лѣсное, приморское; образъ правленія свободный или деспотическій, теократическій или республиканскій. По формамъ этимъ выливались и отливались выраженія внутренняго чувства. Чѣмъ богаче языкъ извѣстнаго народа, тѣмъ разнообразнѣе формы выраженія его.

XXII.

Стихосложеніе грузинское есть силлабическое или слогочислительное, подобно стихосложенію италіанцевъ, англичанъ и французовъ. Причиною этого неимѣніе у грузинскаго языка открытой просодіи, единственнаго основанія для метрическаго (по стопамъ) стихосложенія, какъ собственной принадлежности поэзіи греческой и латинской. Чаще всѣхъ другихъ употребляется въ немъ метръ пиррихо-дактилическій. Хотя есть и другія метры простыя и сложныя, но по скрытности самой просодіи, не такъ открыты стопы стиховъ. Языкъ богатъ созвучнымъ окончаніемъ риѳмъ, и онъ легко

находитъ чрезвычайное обиліе даже въ цѣлыхъ словахъ по оборотамъ грамматическимъ, другое значеніе въ себѣ заключающихъ. Языкъ по гибкости своей, можетъ переводить почти всѣ слова изъ одной области части рѣчи въ другую. Почти всѣ нарѣчія, предлоги могутъ обращаться въ существительныя имена и глаголы напр. ოდეს, ოდესმე когда?; სად, სადმე гдѣ? (Ubi, ubitas. И этимъ совсѣмъ не дѣается насилія языку, особенно въ стихахъ.

Такому свойству и при силлабическомъ стихосложеніи обязанъ языкъ легкостію къ сочиненію стиховъ и свободою расположенія словъ. Не затруднительно подбирать слова мѣрныя, которыя не легко отыскиваются въ языкахъ, не слѣдующихъ этому роду стихотворства. Безспорно, что подборъ правильныхъ мѣрныхъ стопъ труднѣе подбора риѳмъ, награждающихъ стихотворца свободою дать словамъ обороты и теченіе, для сообщенія имъ чрезъ это сладкогласія и игривости, а потому и музыкальности.

XXIII.

Игра строфъ, антистрофовъ и перистро-

фовъ въ стихахъ грузинскихъ,—поразительна. Не сомнѣваюсь, что въ этомъ подражали писателямъ одъ греческихъ, которыхъ строй имѣлъ цѣлію вторить движеніе голосовъ при произношеніи словъ или пѣніи. Самое слово *ода* означаетъ *пѣснь*. Такъ образовалась мѣра стиховъ лирическихъ, свободный переходъ изъ одной стопы въ другую, такъ что мысль первой, оканчивалась въ концѣ второй. Древніе какъ-то умѣли внезапныя вдохновенія свои воплощать словами, какъ цвѣтами поразительными для чувствъ и ощущеній. Во всемъ являлась картина. Все волновалось впечатлительно. Нещадились ни анаграммы, ни антиграммы. Поэзія любитъ, чтобъ запѣла или пѣла природа. Она не терпитъ, чтобъ молчали самые надгробные камни, или оставались безгласными памятники прошедшаго. Она вдыхаетъ во все жизнь, всѣму сочувствуетъ, совсѣми входитъ въ общенье бесѣды. Такова вѣчная философія души человѣческой. Анаѳема, произнесенная Платономъ на поэтовъ, касается не поэзіи, столь прирожденной человѣку, что языкъ самаго

Платона считался языкомъ боговъ. Она разитъ ихъ за уклоненіе отъ правилъ предписанныхъ природою и не терпитъ ихъ за нечестіе, помрачающее человѣка. Природа богата жизнію и жизнію нравственною. Не должно ее обращать въ лабораторію отравы.

Поэтъ, какъ оракулъ, проникнутый духомъ божества, восхищался самъ и приводилъ другихъ въ восторгъ, увлекая потокомъ воодушевленія пораженный слухъ массы. Судъ по переводу съ одного языка на другой объ этихъ строкахъ, долженъ быть произносимъ весьма осторожно. Такъ сказалъ Горацій о Пиндарѣ, великій поэтъ о величайшемъ поэтѣ. Такъ скажемъ и о поэтахъ грузинскихъ. Недостатки стиховъ того и другаго поэта, будутъ недостатками или перелагателя, или языка, на которомъ желаемъ и думаемъ понять и оцѣнить красоты пѣснопѣнія. Искуство сочетать мѣру звуковъ съ мѣрою стиховъ — есть требованіе извѣстняго языка; слѣдовательно есть таиѣа для другаго языка. Музы всемірны; онѣ для всего человѣче-

ства, но есть и такія, которыя усвоены извѣстнымъ странамъ, мѣстамъ и личностямъ, какъ ангелы, по словамъ церкви, приставленныя къ извѣстнымъ царствамъ, церквамъ христіанскимъ, странамъ свѣта, морямъ и каждому человѣку. Такое пониманіе, служитъ какъ бы въ доказательство общности единенія физическаго и духовнаго или нравственнаго міровъ, инстинктивно понимаемой человѣчествомъ. Муза Грузіи имѣетъ свой треножникъ (Tripus,—custodes fatorum, Arcana mundi. Lucanus), которому она принадлежитъ, который ею охраняется, и на которомъ она объясняется въ святилищѣ ей посвященномъ. Пиѳія восклицаетъ, а жрецъ ловитъ слова и передаетъ массѣ буквы ихъ. Мой долгъ, поредать эти мысли грузинской музы въ томъ видѣ, какъ я ихъ слышу.

При этомъ не могу не вспомнить слова Фенелона, въ философскомъ своемъ гнѣвѣ выраженныя въ письмѣ къ одному изъ порицателей Гомера за его стихи въ честь боговъ, вѣрованій его и выраженій вѣка. «Не онъ ихъ создалъ, сказалъ Фенелонъ.

Надлежало, чтобъ онъ ихъ представилъ такими, какими нашелъ.»

XXIV.

Я боюсь переводить на русскій языкъ стихи музы грузинской и потому прикрою себя словами Лагарпа, Квинтиліана французскаго, творца «Ликея» (4): Анакреонъ сочинялъ по вдохновенію, и переводить его съ великимъ напряженіемъ силъ. И такъ не будемъ переводить Анакреона.»

При переводѣ стиховъ, вообще нелегко переводимыхъ съ одного языка на другой, я обязанъ держаться красотъ и главныхъ чертъ подлинника и въ то же время не упускать изъ виду правило Аристотеля, требующаго *держаться возможнаго*, чтобъ напрягаясь сблизиться съ авторомъ копируя его, не казаться вступающимъ съ нимъ въ споръ, борьбу и сраженіе.

XXV.

Виссаріанъ католикосъ-патріархъ грузин-

(4) Том. 11. pag. 341. Это не наставникъ императора Александра I, а любимецъ императора Павла I, имѣвшаго съ нимъ литературную переписку съ 1774 по 1791 годъ.

скій (1737—1742) въ началѣ XVIII вѣка въ своемъ отрывкѣ литературномъ въ шестен-ію въ рукописи «постный тріодъ, მარხვანი.») пишетъ: «Отъ времени Іоанна Петриція, до нашихъ дней, въ продолженіи 1300 лѣтъ перо писателей не останавливалось. Онъ считалъ писателя и поэта Петриція, жившимъ въ VII вѣкѣ. Это не вѣрно: Петрицій жилъ въ XI вѣкѣ. Не вѣрно и то, что переводъ псалмовъ явился по его мнѣнію при Петриціѣ. Святогорецъ Георгій современникъ Петриція былъ исправителемъ. Псалмы же явились въ переводѣ въ IV и V вѣкѣ. Это литературно-поэтическое явленіе, есть памятникъ высоты языка грузинскаго. Псалмы въ древнѣйшихъ рукописяхъ, которыхъ я видѣлъ до 50 экз., писались отдѣльными стихами. Съ введеніемъ книгопечатанія въ Грузіи, изъ подражанія вообще къ греческому и славянскому изданіямъ безъ перерыва, изданы сплошно и потому стихи псалмовъ не распѣвались, а читались.

Ни славянскій переводъ, ни латинскій Вулгата, ни нѣмецкій Лютера, ни француз-

скій De-Saci, ни италіянскій jiovani Діодати псалмовъ, не могутъ оспаривать права превосходства и изъящества у перевода грузинскаго. Это я говорю на счетъ тѣхъ мѣстъ, которыя остались неизмѣненными при изданіи псалмовъ въ Москвѣ въ 1743 году. Это торжество языка, торжество духа піитическаго, отражающагося на словахъ, столь ясныхъ, величественныхъ, вполнѣ воплощающихъ великія мысли величайшаго поэта. Искатели поэзіи грузинскаго слова, какъ въ псалмахъ, такъ вообще въ церковныхъ книгахъ, найдутъ лучшіе и богатые образцы выраженій поэтическихъ. Въ нихъ, цѣлое море красотъ слова, и не устарѣвшаго, какъ думаютъ нѣкоторые, а языка установившагося окончательно, современнаго, и пока еще неисчезшаго въ устахъ народа, конечно, книжнаго lettré, какъ выражаются французскіе писатели.

Языкъ массы, всегда и у всѣхъ народовъ, былъ и будетъ не литературнымъ.

XVI.

Разборъ и сличеніе мѣстъ перевода грузинскаго книгъ священныхъ съ перевода-

ми тѣхъ-же книгъ священныхъ на другихъ языкахъ, въ доказательство степени превосходства и высоты, я, по званію члена, готовлю для журнала парижскаго Société Asiatique. Такое же сличеніе мѣстъ перевода съ греческаго книгъ философскихъ, сочиненій Платона, Аристотеля, Прокла Діадоха, Порфирія Малха, Ямвлиха, Аммонія Эклектика и др. разсѣетъ въ умахъ, враждебныхъ и не враждебныхъ къ народу, тотъ туманъ, которымъ обданы понятія лицъ, не понимавшихъ ни народа, ни литературы его въ продолженіе долгаго времени. Анализъ этихъ плодовъ умственнаго развитія народа, опять вызоветъ, если не ошибаюсь (Ut humanus possum falli. Cicero) ревность, стать на ту степень высоты значенія, на какую поставили его вѣка и христіанство.

Самая лучшая эпоха народа, цвѣтущее состояніе края, наше время. Здѣсь среди улыбки поэтическаго времени, видѣнъ полный, отрадный просторъ для труженниковъ науки, или по наименованію Горація и Овидія *жрецовъ музъ* (Sacerdos Musarum).

XXVII.

Изъ книгъ и сочиненій поэтическихъ словесности грузинской извѣстны, по крайней-мѣрѣ мнѣ, слѣдующіе роды стихосложенія:

1) *Ямбическій* (იამბიკონი), безъ сомнѣнія заимствованный отъ грековъ, какъ и само названіе показываетъ. Этотъ родъ стихосложенія употреблялся первоначально въ поэзіи драматической. Характеръ его: стопа стиховъ, состоящая изъ одного короткаго и одного долгаго. Горацій опредѣляетъ ямбу (Jambus): Syllaba longa brevi subjecta vocatur iambus; слоги долгіе, подчиняемые короткимъ, именуются ямбы.

„მარცჳალნი გრძელნი, მოკლეთაგან დამოკიდებულნი, იწოდებიან იამბიკოდ.“

Такъ какъ этотъ родъ поэзіи употреблялся отцами церкви греческой еще съ IV вѣка, то онъ и въ грузинской церкви, въ лучшемъ отрывкѣ той-же греческой церкви, именуется *церковнымъ* (¹). Образцомъ это-

(¹) Таковъ отзывъ Ефрема Сирина (ეფრემ ასურელი 320—379) по словамъ перелагателя его сочиненій Евѳимія въ X вѣкѣ въ memento его, про-

го рода поэзіи, я привожу строфу, составленную католикосомъ Антоніемъ 1 въ похвалу святой грузинской церкви царицы Кетевани (1580—1625), замученной Шахъ-Аббасомъ 1 въ Персіи:

ეს ქრისტეს ხმალი, აისმ-მჭვრეტელი ლალი,
არ ნათელ-მცხრალი, არ ფურცელ-ფერით
მცხრალი,

читанномъ мною на Аѳонской горѣ (въ 1849 году:) ეკკლესია ქართველთა, რტო-მშვენიერი, ქრისტეს ვენახის ტკბილად მუშაკთა: «церковь грузинская, вѣтвь прекрасная нѣжно воздѣлывающихъ виноградъ Христа.»

Я искалъ эти слова великаго столпа церкви Сирской въ сочиненіяхъ его изданія Ассемана (Romъ 1589—1597 in folio), но къ прискорбію моему не нашелъ ихъ. Искалъ безплодно и въ другомъ изданіи Воссія, имѣвшемся у Констанція, экс-патріарха константинопольскаго, мужа ученаго, принявшаго меня съ любовію въ Халкѣ, одномъ изъ Принкиповыхъ острововъ близь Константинополя, гдѣ онъ имѣлъ свое скромное пребываніе. Отрадно только было мнѣ читать у него въ его келліяхъ рѣчи Ефрема Сирина противъ Маркіона колхидскаго, во второмъ вѣкѣ возмутившаго покой вселенской церкви. Слова объ немъ Тертуліана, современника его помѣщены мною въ соч. моемъ: Жизнеоп. святыхъ груз. церкви (Тифлисъ. 1850), стр. 8—9.)

აქჳს სამღრთო ალი, ვითა ცხოველი წყალი,
ბჭლი უძს სალი, მით დაჰსცა მძლავრი მწყრალი,
ამას იქმს ქალი, ბუნებით ჭირთა მკრთალი.

Такова Христа невѣста, цвѣта яшмы свѣтлый рубинъ,
Неумаляемый свѣтомъ, какъ цвѣтъ холодомъ потрясенный,
Въ ней,—пламени Божества, обиліе ключа живаго,
Грудь, какъ твердая скала;—ею сразила она ярость тирана,
И это все дѣлаетъ жена, по природѣ робкая при мукахъ.

Строфа 406.

Вотъ его-же Антонія двѣ строфы, составленныя въ честь поэта Шавтійскаго (შავთელი):

770.

ნეტარი ქხე. პიიტიკოსი კტი.
მაღალ-გამომთქმელ, მოძღჳრებით ბრწყინჳალე
სიბრძნის — მოუჳარე მართალ-მესილლო-გიზმე,
ღჳთის-მმეტყჳელები, შეზმნილ-ყოველსა-შინა,
იოანე ბრძენ, შავთელ-ზედ-წოდებულო.

771.

შოთა ჰხთქჳა მიხთჳს, ჳქესო ლექსი შავ-
თელს.
ჲ თამარ დიდის, ისტორიათა-შინა,
შაირთ-გამომთქმელ, ჲ წმინდად მოით-
ხრობის,
განწმინდა ამან, ხარკე უბიწოებით,
ჲ მიჰხცა ღმერთსა, რომლისა წინაშე ჰხდგას.

770.

Восхваляемъ Піита, мужа блаженнаго,
За высоту его выраженій, поученіями
свѣтлаго,
Мудрости любителя, силлогиста точнаго,
Богослова,—во всемъ совершеннаго,
Іоанна мудраго, прозваніемъ Шавтій-
скаго.

771.

Шота сказалъ объ немъ: хвалимъ онъ
всѣми за стихи,
О Тамарѣ и въ исторіяхъ объ ней,
Какъ поэмы творецъ, за святость раз-
сказа,
Просвѣтивъ себя, какъ непорочности зер-
кало,
Передалъ себя Богу, у котораго онъ пред-
стоитъ.

XXVIII.

Слабы стихи, слабъ и переводъ мой бук-

вальный. Таково свойство ямбъ подъ перомъ греческихъ ямбистовъ церковныхъ, неискавшихъ, а избѣгавшихъ высотъ восторга нескромнаго міра, и увлекающаго часто человѣка,—воображенія, этого единственнаго орудія, на которомъ, какъ птица на крыльяхъ, паритъ поэтъ. Католикосъ Антоній, какъ сочинитель ямбъ, по жизни, по званію и призванію былъ инокъ. Съ этой стороны поэтъ, вѣрный метру стиховъ силлабическихъ (каково стихосложеніе грузинское), доволенъ, если онъ охарактеризовалъ лаконически, въ афоризмахъ краткихъ, жизнь и значеніе лица, какъ предмета прославленія поэтическаго. Хоральное распѣваніе размѣра ямбическихъ стиховъ, который и былъ основаніемъ его изобрѣтенія, возвышаетъ его скромное значеніе. Стихи ямбъ грузинскихъ, есть дѣти и рожденіе улыбки, но спокойной, тихой, какъ сама жизнь отшельника. Это тихій дождь или роса Эрмона, или дуновеніе зефира, по выраженію пророка, проявляющая въ шопотѣ листьевъ волю небесъ сынамъ земли. Представителемъ такого рода стихотвор-

ства есть Григорій Нисскій (330—400 (გრიგორი ნოსელი) и Григорій Назіанзинъ (328—389).

Въ дни юности моей, не разъ былъ я свидѣтелемъ гармоническихъ возгласовъ этой поэзіи при дворѣ архіереевъ временъ царей грузинскихъ: Іоаннѣ Бодбійскомъ (1749 — 1837), и Стефанѣ Руставскомъ (1754—1839) въ трапезныхъ монастырей, гдѣ еще жили и доживали свои древніе дни иноки и іерек пустынь и селъ, пѣвцы по лирѣ церкви.

За столомъ царей и вельможъ, распѣвались эти пѣснопѣнія ямбическаго размѣра въ дни торжествъ (2). Слабый голосъ отрывка дуновенія этой музы отъ громкаго обыкновенія древняго, слышенъ еще и нынѣ по мѣстамъ изъ устъ, умолкшихъ для подобной поэзіи, пѣвцовъ—іереевъ и иноковъ.

XXIX.

2) *Шаири* (ჭაირი). Это самый простой, но и самый древній родъ сочетанія сти-

(2) Соч. мое: Опис. древн. Тифлиса, стр. 244.

ховъ. Его считаютъ самимъ народнымъ, общеупотребительнымъ и легкимъ для писателя. Въ образецъ такого рода я представлю куплетъ изъ Килилъ да Мана, писанный за долго до воцаренія царицы Тамары.

მკურნალო ჴელს ნუ ამართებ, კურნებად ამა ჭირისა,
ესრეთი სენი დართჳა, უიმედოა ჰირისა,
ვერ-ვინ არგებს წამლითა, მჯროვასად გასაჭირისა
ჰსჯობს სხჳა რამ საქმე იურჩეოს, დღისა მის მესამცირისა.

კარი ე.

И ты врачь не трудись врачевать эту болѣзнь,
Болѣзнь такова, что нѣтъ ей врачевства.
Не поможетъ ей врачевство, и дорого покупаемое,
Не лучше-ли пѣщисъ о другомъ, о томъ, чего требуетъ сокращаемый для него день.

Кн. V.

Или слѣдующій стихъ поэта новыхъ временъ изъ г. Гори Стефана Першанги (1776—1840).

გემო მან იცის ჭირისა, ვინცა ჭირს გარდახდილა:

Это прекрасный и точный переводъ безъ вѣдома поэта, стиха Виргилія:

Miser sum, miserisque sucurrere disco.

Или русскаго-же перевода въ перифразѣ: «Несчастіе испытавъ, несчастнымъ помогаю.»

XIIX.

3) Чахрухійскій (ჩახრუხაული). Чахуруха поэтъ временъ царицы Тамари (1170—1212) былъ родомъ изъ ущелья Хеви, около Даріала, пункта пограничнаго для царства грузинскаго. О немъ подробно я писалъ въ описаніи г. Душета ([3]). Поэму его въ похвалу царицы Тамари издалъ я въ 1838 году въ Тифлисѣ и посвятилъ груз. царевичу Михаилу Георгіевичу (сконч. въ 1861 г. 82 лѣтъ).

მან მხიარულმან, შუ̂ჱბითა ხრულმან, ჩე-
მებრ საწყლისა, გერა ჴსცნა ჭირი,
უცხო ჴყო თავი, აწ დამნაშავი, უმჯობეს
საქმეს მირიდა პირი.
ქილილ ჯ მანა, კარი ე.

И онъ, радостію упоенный, веселіемъ поглощенный, по мнѣ жалкаго бѣды не оцѣнилъ,

([3]) Тифлисъ, 1860 г. Стр. 61—65.

Отвергъ сочувствіе;—преступный весь,
не понялъ лучшаго для души.
Кимилъ Да-Мона кн. V.

Сюда-же относятся и роды стихосложенія, извѣстнаго подъ персидскими названіями *Маджама* (მაჯამა на греч. Омонимъ) и *мухамбази* (მუხამბაზი) съ пляшущими словами, живыми, лаконическими, сжатыми. Въ псалмахъ и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, есть образцы такого рода поэзіи. Такова и высокая пѣснь на лат. языкѣ: Тé Deum laudamus. Тебѣ Бога хвалимъ» соч. Амвросія медіоланскаго, употребляемая и греческою церковію.

XXXI.

4) *Рвули* (რვული). Названіе получило отъ осьми—сложныхъ стопъ. На грузин. языкѣ რუ̂ა Рва означаетъ *восемь.*

მომშორდა საყუ̂არელი, ვაი მოგონება
მისი,
მისთჳს მაქუ̂ს თუ̂ალი სუ̂ფლია, ჩემთჳს
ნათელი ბნელია.
ქალ. მან. ვარი ძ.

Удалился отъ меня предметъ любви. Какъ
тяжело объ этомъ думать,

Глаза мои полны слезъ, свѣтъ для меня
темен.
Кил. Д-М. кн. V.

Стихи эти несовременны писателю X вѣка. Они лишены условія *чистоты слога* (salubritas dictionis. Ciceron); Сенека называетъ не гладкою (salebrosa oratio).

XXXII.

5) *Дзагнакорійскій* (ძაღნაკორული). Дзагнакора есть названіе поэта временъ царя Давида возобновителя (1088—1125. Объ немъ писалъ я въ описаніи г. Душета ([4]).

Образецъ этого рода, извѣстнаго у грековъ и римлянъ подъ названіемъ Homaeoprophero, (Martial), стихосложенія въ Килилъ Дамань слѣдующій:

ზარი დამეცა, ზარი დამეცა ჭკუ-გონებისა
განსაცვიფრებლად, ვარი დ.
სად შური შევა, შურ არის ზღუძვა, იქ
კეთილობა იქის მხტომელად.

Громомъ я пораженъ; и громъ и я самъ
къ содроганію ума моего,
Куда входитъ зависть, тамъ коситъ месть,
оттуда ускакиваетъ добродѣтель.
Кн. IV.

([4]) Стр. 65—66.

Слышалъ я отъ генералъ-отъ-инфантеріи князя Георгія Эристова (сконч. въ 1863 году) знатока грузин. языка, что онъ въ молодости своей читалъ поэму цѣльную его пера подъ заглавіемъ: „სავანე გმირთა“ *страна героевъ*. Содержаніемъ поэмы, говорилъ онъ, были событія царства его времени. Было, продолжалъ онъ, трудно ея чтеніе, по трудности рода самаго стихосложенія. Экземпляръ этотъ поэмы принадлежалъ архимандриту Трифилію, скончавшемуся въ Тифлисѣ около 1808 года.

Книга эта, заключавшая въ себѣ 6 небольшихъ статей (ნაქუსი), но удачно округленныхъ по содержанію, именовалась *шести-статейною* (ექუს-ნაქუსი).

6) *Шереули* (შერეული) т. е. по переводу *Смѣшенный*: образецъ этого рода читаемъ въ Кипиль-Дамана.

მის ხელში არსად მინახავს, საჩემოდ საუ-
რავია,
ქერი და თივა არა—მაქუს, არც ჩულისა-
ძაგრავია,
ყოვლ-დღე საპალნე მვიდია, ხისხლის მჭამე-
ლი გულისა

ღამე მიწისა მლოშნელი, კბილით მოხახ-
რავი,
რად გივჯრს ჩემი ახლობა, ნიადაგ სახრ-
გულობს,
გოჩის მლოკუწლი სისხლსა ვეწოვ, მო-
მა გლდა ხელ-ხამრავი.

კარი ე·

Не видалъ я въ рукахъ его, ничего для
меня годнаго,
Нѣтъ у меня ни ячменя, ни сѣна, ни вѣ-
тоши прикрыть себя.
Обремененъ я ношею, каждый день сосу
сердца кровь,
Ночью лижу прахъ земли, всегда я но-
шеносецъ,
Лизавшій орѣшину, кровь сосу, лишен-
ный всего чѣмъ дышетъ духъ.

Кн. V.

XXXIV.

7) *Лекси* (ლექსი). Названіе *«Лекси»* означаетъ на грузинскомъ *и слово и стихъ* или *строй словъ*. Этимологическое значеніе этого названія заключается въ словѣ греческомъ, образовавшемъ слово «Лексиконъ». Lexidium,—словечко у Геллія и Lexis,—слово у Люцилія. Характера этого рода стихосложанія, я объяснить не могу. Образецъ его приведу изъ Килилъ-дамана:

რა მოაკლდების მთჳარესა, ვლიდეს ჩემთა-
ნა მარებლად
მისი ციალი გულს-მადგეს, თჳთ იყოს
შეუდარებლად.
კარი ვ.

Чѣмъ умалится луна, если на пути моего
шествія,
Свѣта ея мерцаніе будетъ на мнѣ? Она
всетаки останется тѣмъ, чѣмъ есть.
Кн. VI.

По разсказу поэмы, слова эти говоритъ
красавица путешествующая.
Въ этомъ родѣ приведу я и другой
образецъ:

არა ვლირს ვარ მოწყალებით, სიყჳარულსა
შენ-მიერსა,
ჭმუნჳს ჭანგი გულისაგან, მომაშორე
ურჳთ ბერსა.

Не стою я ласкъ милости,—любви тобою
вдохновенной,
Избавь сердце отъ узъ скорби, сними
печали гнетъ отъ инока.

Этотъ стихъ, снѣдаемаго страстію любви, инока временъ царя Теймураза II (1724—1762). Манасіи, къ одной изъ Аспазій двора, не наименованной исторіею. Объ этомъ инокѣ, писавшемъ, говорятъ

много поэтическихъ отрывковъ, не дошедшихъ до насъ, сколько мнѣ извѣстно, я уже сказалъ въ сочиненіи моемъ на груз. языкѣ: жизнь царя Георгія XIII (*).

XXXV.

8) *Цкобили* (:წყობილი) названіе это отъ слова грузинскаго წყობა, означающаго *строй*, *строеніе*. Образецъ этого рода въ Килилъ-Дамана слѣд.

ენა მარჯჳჱ, ენა ტკბილი,
შაქრის-მყიდჳჱლთ გამაწბილი,
თჳალ-გიშერი, გულ-ცნობილი,
ტანად ხარო, ხორცით ლბილი.

კარი ჱ.

Языкъ ловкій, весьма сладкій,
Съ сластепродавцами сравненный,
Черноокій, откровенный,
Сановитый, тѣломъ нѣжный.

Кн. VIII.

XXXVI.

9) *Таэпи* (ტაეპი). Образецъ этого рода въ Килилъ-Дамана:

ხახელოვანი ხიკჳდილი,
კაცთა-გან ხანატრელია.

კარი გ.

(*) Въ рукописи, пока еще неизданной.

Смерть славная,
Людьми ублажаема.

Кн. III.

Или слѣд. стихъ:

ცუდი ხიტყუ̂ა ხანსა გრძელსა
ვერ-გაივლის, უთქუ̂ამს ძუ̂ჱლსა.

Слово нечистое, недолговѣчно,
Сказано издревле древними.

XXXVIII.

10) *Пистикійскій* (ფისტიკაური). Названіе образовалось отъ греч. слова *физика* (природа). Предметъ описанія произведеніе трехъ царствъ природы. Образецъ этого рода въ Килилъ-Дамана слѣд.:

ბიბინოვანი, რომელიც ნახე, ერთი ყუ̂ავი-
ლიც არ დარჩომილა,
შემოდგომის თრთჳლს, ყუ̂ჱლა დაუძრავს
ზაფხულის მწუ̂ანე, სულ წარხდომილა.
კარი ჱ.

Ты видалъ роскошно процвѣтавшій лугъ;
нѣтъ на немъ ни одного цвѣтка,
Осенній иней потрясъ зелень лѣта;
все въ немъ исчезло.

Кн. VIII.

XXXVIII.

11) *Мрчобледи* (მრჩობლედი). Образецъ этого рода въ Килилъ-Дамана слѣд.:

სოფელი ესე ბებერი, უწყალოდ მოსრავს
გმირებსა.
კუ̂ლავ ბუმბარაზთა ჩააგდებს, ჭირის ორ-
მოსა ძირებსა,
თემთა შენობას დაარღუ̂ჩვს, ნილოსის
ღადოს ცემითა,
ოსებს ძმათ მოაძულებს, იაკობს შესუ̂-
რის ცრემლითა.
კარი ჳ.

Міръ этотъ, старецъ вѣковой, безжалостно разитъ героевъ,
Исполиновъ бросаетъ въ бездну ямъ бѣдствій;
Рушитъ зданія странъ, шумомъ потоковъ Нила,
Селитъ въ братьяхъ ненависть къ Іосифу, и Іакова слезами орошаетъ.
Кн. III.

Это, любимый родъ стихосложенія временъ дѣтства царя Георгія XIII. Тетрадка его дѣтскихъ занятій, имѣвшаяся у меня, передана правнуку его свѣтлѣйшему князю Іоанну Григорьевичу Грузинскому. Эта тетрада, передана мнѣ въ С.-П. Б. послѣ кончины царевича Миріана (брата царя Георгія, (сконч. 1834 г.) вмѣстѣ съ другими тетрадями его поэтическихъ за-

нятій. Его упражнялъ въ поэзіи, какъ видно изъ тетради, нѣкто Павелъ изъ Гуріи, великій чтецъ придворной церкви, живущій долго при дворѣ Сванетскаго владѣтеля, не славномъ подвигами славы и добродѣтели (6), и скончавшійся въ лаврѣ Давида Гареджійской.

Въ этихъ тетрадяхъ между стихами царевича Георгія встрѣтилъ я слѣдующее:

1) ბედნიერებისა ღიმილსა, გონიერი არ ენდობის.

Улыбкѣ счастія, не довѣрится мудрый.

Этотъ стихъ напомнилъ буквальное слово Тита Ливія: Serenitati fortunae non credere.

2) Стихъ, диктованный поэтомъ наставникомъ:

გიორგისა მეფისა ძესა, ქებდის პავლე მოდგმესა,

Георгія царевича,
Хвалитъ Павелъ за стихи.

Въ отвѣтъ наставнику стихи царевича:

---

(6) არა კაქვს პატიოსნებას, არცა მის კარსა, ხიმართლისათჳს დიდად დაბმულსა.

Выраженіе инока Павла къ Николаю католикосу грузинскому.

მოლექსედ მე რათ მიწოდე.
შენ ახლებე, მე ვიწოდე.

За чѣмъ поэтомъ ты меня назвалъ?
Ты захотѣлъ и я себя поэтомъ назвалъ.

И этотъ рѣзвый стихъ забавы юнаго царевича, напомнилъ мнѣ стихъ Горація: Cur ergo Poeta salutor?

Зачѣмъ меня поэтомъ величаютъ?

რად მიწოდებენ მე მოლექსედ?

Здѣсь же приписка руки царя Ираклія II, отца царевича: ხალხრობა ხათქმელი, сказать или произнести въ залѣ (7).

XXXIX.

Поэтическое развитіе груз. народа произвело занятіе составленія.

1) *Пословицъ*, которыя собраны давно и изданы печатно.

---

(7) ხალხრო былъ *эрмитажъ* царя во дворцѣ богатомъ, богато описанномъ французскимъ путешественникомъ Шарденомъ еще при царѣ Вахтангѣ Шахъ-Навазѣ (1658–1675. Опис. древностей г. Тифлиса стр. 240–248). ხალხრო «*Саларо*» образовалось отъ римскаго слова Sellara или уменш. Selariola, означавшаго залу, гостинную, уставленную стульями.

2) *Энигмъ* (გამოცანა) или *логогрифмъ*.

3) *Макаронизмъ*, употребляемый въ шуткахъ и состоящій въ смѣшеніи иностранныхъ словъ съ своими.

4) *Палиндромовъ*. Для забавы литературной читаются стихи отъ лѣвой руки къ правой и отъ правой къ лѣвой, имѣющіе одинаковое произношеніе. Таковы стихи, на латинскомъ:

Sator arepo tenet opera rotas.

На русскомъ:

Я иду съ мечемъ судія.

На грузинскомъ:

იმაცა ახვათ ახქთი, ითქხა თავხა აცამი.

или

მხე იგი ეხმ

Таково мое изложеніе о Парнассѣ грузинской словесности. Первый очеркъ, всегда бываетъ слабъ. Доволенъ я, что улучилъ случай сохранить то, что было въ памяти моей. Доволенъ, если указалъ я на источники, не изданныхъ еще печатно книгъ. Дальнѣйшее развитіе предмета систематическое съ подробнымъ анализомъ, и стиховъ и основаній, на которыхъ зиждется

стихосложеніе, предоставляется другимъ труженикамъ науки о словѣ грузинскомъ.

Желательно, чтобъ изложеніе мое слабое и короткое, принесло пользу слову о словесности грузинской. Отрадно мнѣ ожидать, чтобъ слово грузинское хвалилось не однимъ названіемъ словесности, а чтобъ оно дѣйствительно соотвѣтствовало своему высокому значенію. Да не будетъ право ея правомъ одного только названія. Да не будетъ тѣмъ названіемъ *римскаго гражданина*, о которомъ со скорбію сказалъ Цицеронъ: Hihil est opis in hac voce: civis sum Romanus. Нѣтъ силы, помощи въ этихъ звукахъ: я гражданинъ римскій. რად შეგჳცწყვის ხმა თქმულობისა: ვარ მოქალაქე რომისა?

Развитое слово народа, особенно древняго, есть сокровище человѣчества. Не охранять его—есть преступленіе, убивать его—есть оскорбленіе, наносимое святынѣ природы, доля тирановъ, достойная Аттилы, Чингиса и Тимура. Начало грубой брани племенъ и народовъ, есть ложный путь политики, по которому шелъ всемірный Римъ и погубилъ себя безвозвратно. Самое высокое

и вѣрное начало политики—любовь человѣчества и всемірное братство. Въ этомъ выражается вся небесная, божественная философія христіанства.

Владычество Персіи, въ видахъ упроченія власти Ислама въ Грузіи христіанской, хотѣло ослабить значеніе высоко развитаго слова грузинскаго о крестѣ. Оно устремилось всею властію господства, уничтожить языкъ грузинскій, какъ нѣкогда Калигула, истреблявшій свитки Гомера, Виргилія, Тита Ливія, напоминавшія ему вліяніе греческаго генія надъ стонавшимъ подъ его тираніею Римомъ всесвѣтнымъ. Священный, звучный языкъ аравійскаго пророка не могъ потрясти языка царей и святителей, великихъ стражей вѣры въ евангеліе. Война, объявленная ему Персіею, позорившею и открыто и тайно народъ за его хвалебное слово христіанскому Богу, отдалила его отъ единенія съ собою.

XL.

Отъ подъема Верійскаго ущелья путешественникъ останавливается на равнинѣ *Сабуртало* (საბურთალო), гдѣ въ древности,

въ героическую эпоху народа, совершались *игры въ мячь* (Pilaris lusio.—Statius). Такъ и по этимологическому значенію грузинскаго названія, соотвѣтствующаго греческому Панкраторіумъ (Pancratorium). Геній грековъ, перенеся сюда отъ Олимпа, гдѣ совершались эти эволюціи для упражненія силъ тѣлесныхъ. На этой равнинѣ построены нынѣ артиллерійскія казармы. Здѣсь же и вокругъ нихъ, нѣсколько лѣтъ сряду видимъ сборъ полковъ пѣхотныхъ, кавалерійскихъ и артиллеріи для смотра, ученія и упражненія. И древній міръ и новый міръ, сочувственно сошлись въ выборѣ мѣста для одинаковой цѣли.

Географъ Вахуштъ въ началѣ XVIII вѣка упоминаетъ о канавѣ Верійской, какъ бывшей при немъ и орошавшей всю *Сабурталъскую* равнину, процвѣтавшую садами.

Этой мѣстности живописной, поэтически улыбаются горныя мѣста, на которыхъ раскинуты деревни Лиси, Цкнети и другія, опустѣвшія во дни смутъ и неотрадные для края, Дидубе за р. Курой съ его церковію Богоматери Иверской, садами и колоніею

нѣмцевъ, водворившихся здѣсь въ 1818 году. Ей же улыбается и за р. Курой и слѣдъ той канавы по подошвѣ горной, которая, будучи проведена изъ р. Арагвы у Жинвани, орошала сады и поля до Руставской лощины (Караязи) и далѣе. Отъ временъ князя М. С. Воронцова оживленная садами и постройками Дидубійская мѣстность, напоминаетъ путнику блистательно красовавшійся тамъ надъ рѣкою Курой дворецъ царицы Тамары (1184—1212), гдѣ она, по сказанію лѣтописцевъ пышно праздновала свой бракъ съ Давидомъ Сосланомъ въ 1193 году. Дворецъ обширный и вокругъ его постройки и сады, исчезли во время нашествія на Тифлисъ монголовъ при дочери ея царицѣ Русудани. Мѣстность Дидубійская опустѣла. Уцѣлѣла только церковь вокругъ бывшаго населенія, слабые остатки котораго помѣстились въ концѣ XVIII вѣка въ мѣстечкѣ Кукіа. Исчезла и канава, обильно орошавшая сады и плантаціи дидубійскаго поля. Князь М. С. Воронцовъ и князь А. И. Баратинскій думали о возстановленіи этой ги-

гантской канавы. Проекты, составленные при нихъ, по этому предмету, ожидаютъ дальнѣйшаго движенія. Князь А. И. Барятинскій имѣлъ и другой проектъ: вести канаву отъ р. Кура у Мцхеты для орошенія по правому берегу рѣки обширныхъ полей, безводныхъ до самаго Тифлиса. Мысль высокая, благодѣтельная и легко исполнимая! Среди оживленныхъ водою мѣстностей, благодатныхъ для многихъ тропическихъ растеній, городъ Тифлисъ, единственный пока въ Азіи, былъ бы Дамаскомъ русскимъ, очарованіемъ Кавказа.

Вода въ Азіи и въ такихъ производительныхъ мѣстахъ, каковъ подолъ Кавказа, есть необходимое условіе для жизни и процвѣтанія растительнаго царства. Это, —душа его. Не безъ причины на языкѣ грузинскомъ, древнемъ между кавказскими и азіятскими, явилась въ основаніи этимологіи слова: *помилуй* (შემიწყალე) *шемицкале*, вода Господи помилуй—წყალო შემწყალე: т. е. *дай намъ воду*, *утоли нашу жажду*, *оросинасъ водою*. Безъ воды нѣтъ плантацій тамъ, гдѣ грѣетъ солнце. Когда осуществится

этотъ проектъ, тогда поздравится самая мѣстность словами поэта римскаго:

Salve magna parens frugum, Saturnia tellus! . . . . . .
Magna virum . . . . . .

Да здравствуетъ земля Сатурна, мать плодовитая и жатвъ и людей.

XLI.

Приближаясь къ Дигому, взоръ путника долженъ остановиться на его долинѣ, богатой производительностію и при безводіи. Здѣсь—мѣста для пастьбы скота зимою. Для зимовниковъ онѣ богаты лощиною. Самое село *Дигомъ* замѣчательно обширными виноградными садами и церковію древнею во имя св. Георгія. Церковь эта съ оградою возобновлена недавно царевною Тамарою, внучкою царя Ираклія и скончавшеюся въ 1854 году. Стѣны церкви носятъ характеръ обновленія разныхъ эпохъ. Камни, которыми она облицована, вставлены по мѣстамъ неискусною рукою и носятъ надписи, не вездѣ разбираемыя.

Съ горныхъ высотъ, на которыхъ раскинуто село *Дигомъ* и гдѣ красуется древняя церковь св. Георгія, открывается об-

ширный ландшафтъ дигомскаго поля. Это — Марафонъ грузинской мѣстности, воскликнулъ я въ 1849 г. послѣ живаго впечатлѣнія, отъ осмотрѣннаго мною въ томъ же году Марафона Аттики. Здѣсь р. Куръ, въ замѣнъ моря, негропонтскаго. Очарователенъ этотъ видъ съ высотъ Дигома на долину Дигома.

XLII.

Храмъ святаго, символъ неба, находится вокругъ мѣстности, отрывка природы живописной. Онъ, высокая школа, въ которой изучаетъ человѣкъ и величіе и высоту своего призванія. Это,-не Суніумъ, древняго Платона, проповѣдника не прочной мудрости, полной сомнѣній, какъ волненій нравственныхъ и умственныхъ. Это,-святилище тѣхъ истинъ, къ которымъ приближались Платонъ, Анаксагоръ и мрачный Аристотель; но которыхъ не выражали они по высотѣ ихъ, не вполнѣ доступной уму безъ свѣта откровенія. Мудрые міра и политики творили во всѣ вѣка формы для знаній всѣхъ родовъ. Въ этихъ формахъ являлись и лучшій способъ пониманія вещей, и лучшій взглядъ на

религію, и лучшее устройство общества человѣческаго, и лучшій образъ правленія для царствъ и народовъ, но недошла до искусства и знанія вводить въ эти формы душу. Отъ того онѣ остаются автоматами, и разочарованіе позднее бываетъ плодомъ горькимъ поспѣшнаго убѣжденія или увлеченія временнаго горячихъ проповѣдниковъ новыхъ идей.

Азію считаютъ неподвижною. Она точно послѣ среднихъ вѣковъ, остается неподвижною въ идеяхъ новыхъ. Она устала отъ трудовъ умственныхъ. Европа приняла на себя призваніе творить идеи и строить планы благоденствія рода человѣческаго. Это,— продолженіе древняго подвига, подвига древняго человѣчества отъ Индіи сокровенной, Египта загадочнаго, Персіи—современной міру монархіи, Греціи—наслѣдницы востока и Рима всесвѣтнаго, посѣявшаго сѣмена познаній по всѣмъ угламъ міра, гдѣ изникли новыя царства для новой цивилизаціи. Мы на рубежѣ конца среднихъ вѣковъ, исчезающихъ въ нашихъ глазахъ. Человѣчество ожидаетъ плода отъ новаго движе-

нія умственнаго, отъ новыхъ идей, новыхъ вопросовъ, иногда и древнихъ, но многимъ кажущихся новыми, разумно, нешумно провозглашаемыхъ учеными Европы, но шумно провозглашаемыхъ неразумными послѣдователями ихъ. Дай Богъ, чтобъ это рожденіе и воплощеніе новыхъ идей и созданіе по новымъ идеямъ новыхъ формъ общественнаго строя, было безболѣзненное, на радость рода человѣческаго, и безъ нихъ много испытавшаго паденій и бѣдствій. Христіанство — это откровеніе Божества, только и способно, умѣрия страсти, вѣчные враги ума человѣческаго, вести ученыхъ къ высокой цѣли—*водворить миръ во всемъ мірѣ*. На христіанствѣ, и только на этомъ твердомъ, вѣчно неколебимомъ основаніи, можетъ быть построено зданіе, для помѣщенія въ немъ всѣхъ сыновъ семейства рода человѣческаго. Кодексъ его—есть кодексъ всемірный. Отступленіе отъ его правилъ и параграфовъ, есть повтореніе того паденія человѣка въ началѣ его появленія на землѣ, причины котораго ищутъ ученые и не могутъ объ-

яснить, задавая себѣ вопросы горькіе, печальные: кто я? что я? откуда я? гдѣ я? для чего я? куда я?

XLIII.

За р. Куромъ, по лѣвому берегу его теченія, красуются деревни *Авчала*—верхняя и нижняя. Въ послѣдней любилъ проводить иногда дни и мѣсяцы лѣтніе царь Георгій XIII. Богатая садами и виноградными и фруктовыми, она была достояніемъ древняго рода князей Гурамовыхъ, родственныхъ царямъ. Они производятъ родъ свой отъ царя Гурама Куропалата (574—600). Обширное помѣстье его вокругъ могло быть дѣйствительно удѣломъ дома члена царскаго. Молчатъ объ этомъ хартіи вѣковъ, но не молчатъ названіе, значеніе мѣстъ его родовыхъ, значеніе святыни Зедазнійской (569 570), входившей въ составъ удѣла противъ такого же удѣла Мухрани, образовавшагося для члена царскаго рода Багарата. Этотъ Багратъ, родоначальникъ князей Багратіонъ-Мухранскихъ, былъ сынъ царя Константина III и слѣдственно братъ царей Давида IX и Георгія IX. Родъ начался съ 1512

году, и образовался удѣлъ князей Багратидовъ-Мухранскихъ.

XLIV.

Тамъ, гдѣ оканчивается долина дигомская, начинается опустѣвшее древнее село *Накулбакеви*. Это городище древнее съ укрѣпленіемъ, въ которомъ существовали лавки для торговли, давшія ему названіе: *мѣсто древняго торжища*, (Emporium). (*Кулбаки*) т. е. рядъ лавокъ, торговыхъ зданій на древнемъ груз. яз.). Здѣсь въ 1867 году найденъ камень съ греческою надписью временъ императора Веспасіана. Накулбакеви давно уже опустѣлъ. Это,—древній кварталъ Мцхеты и продолженіе Армастики. Онъ нынѣ въ развалинахъ. Онъ есть кладбище древнее. Изъ этого кладбища перенесенъ этотъ камень въ тифлисскій музей, который вообще, по всемірному своему ученому назначенію, есть кладбище для искуствъ, отжившихъ свой вѣкъ. Вотъ и русскій переводъ этой надписи:

«Самодержецъ Кесарь Веспасіанъ, Севастосъ, великій первосвященникъ, облеченный трибунскою властію въ 7 разъ, самодержецъ въ 14 разъ, кон-

сулъ въ 6 разъ и предназначенный на 7 разъ; отецъ отечества, ценсоръ и самодержецъ Титъ цезарь, сынъ Севастоса, облеченный трибунскою властію въ 5 разъ, ценсоръ Домиціанъ цезарь сынъ Севастоса; консулъ въ 3 разъ, предназначенный на 4 разъ, царю иверійцевъ митридату, царя Фарасмана и Іамазды сыну, другу Кесаря и другу народа римскаго, выстроили крѣпость».

Надпись эта относится къ 75 году отъ Р. Х. Статья объ этомъ камнѣ генералъ-лейтенанта Бартоломея напечатана въ особыхъ прибавленіяхъ къ газетѣ «Кавказъ» (Тифлисъ 1868. Выпускъ 1) съ краткимъ моимъ примѣчаніемъ о географическомъ древнемъ значеніи мѣста, гдѣ найденъ камень съ надписью. Разборъ этой надписи пресѣдателемъ парижскаго азіятскаго общества J. Mohl, былъ порученъ члену общества, ученому оріенталисту Leon Renier, и онъ явился печатно въ journal Asiatique (6 Série. Tom. XIII № 49 Fevrier 1869 pag. 93—103). Изъ разбора видно, что вмѣсто слова *Ямазды*—должно быть читано *Армазы*, т. е. *обитателю Амазды* искаженной *Армази*. Замѣчаніе совершенно вѣрное.

Во всякомъ случаѣ, важно для исторіи грузинской то, что къ пополненію лѣтописей древнихъ, является въ это время во Мцхетѣ царь *Митридатъ*, сынъ или преемникъ можетъ быть того Фарасмана, который значится въ лѣтописяхъ подъ этимъ именемъ въ 72 году. Потому только, что имена царей, значущихся въ лѣтописяхъ, не сходятся съ именами, встрѣчающимися иногда у греческихъ и римскихъ писателей, разрушать лѣтописи—есть дѣло неосторожнаго историка. Наука не любитъ поспѣшности, и Лапглуа неправъ, не будучи историкомъ, мечемъ война-побѣдителя сказать: veni, vidi, vici. Кто поспѣшитъ, тотъ насмѣшитъ, говоритъ здраво русская народная философія.

Я не смѣю и думать о званіи ученаго историка Грузіи, но занимаясь исторіею ея, не разъ испыталъ такого рода паденіе отъ поспѣшности. Прощая другимъ грѣхи ученые, я и себѣ испрашиваю прощенія у науки.

XLV.

Здѣсь, у оконечности этого, скалистыми

высотами защищеннаго укрѣпленія, оканчивался городъ и укрѣпленіе Армазъ или *Армастика* древнихъ географовъ, слѣдственно и ветходержавная Мцхета. Съ этой стороны или отъ южнаго укрѣпленія, не было въ древности никакой дороги изъ Тифлиса въ Мцхеть. Она шла по горнымъ высотамъ отъ города и черезъ городъ Накулбакеви и спускалась къ мѣсту, извѣстному подъ именемъ *Мухатгверди* (მუხათგუდი), гдѣ стоитъ еще полуразрушенная башня, бывшаго населенія надъ р. Курою. Древніе не столько искали удобствъ для жизни, сколько крѣпкихъ мѣстъ для жизни по чувству самосохраненія. Дорога нынѣшняя по подгорью укрѣпленія Накулбакеви по теченію р. Кура, пробита послѣ перенесенія столицы изъ Мцхеты въ Тифлисъ. Царь Давидъ возобновитель (1088—1125)—это Карлъ-Мартеллъ грузинской исторіи, пробилъ эту дорогу, не боясь персовъ, къ отпору которыхъ создалъ народъ мощный въ виду монархическаго единства отъ Понта до Каспія и отъ высотъ Кавказа до р. Дебеды, предѣла исчезшей уже при немъ

Арменіи. Географъ Вахушть укрѣпленіе это южное у Накулбакеви именуетъ *Девисъ-намухли* (დევის-ნამუხლი), т. е. *колѣно дива* или *укрѣпленіе исполина*. Укрѣпленіе это, упиравшееся у скалы, въ которой видна была окаменѣвшая ящерица допотопная, разбитая рабочими для расширенія дороги, оставило въ устахъ народа названіе съ древнею легендою и баснословными разсказами объ его значеніи. Разсказы эти, связанные съ древнимъ вѣрованіемъ въ дивовъ миѳологіи, замѣчательны въ этнографическомъ отношеніи и указываетъ на дѣтство религіозное. Когда вѣрованіе какое-нибудь дѣлается народнымъ, тогда народъ же любитъ примѣшивать къ истинамъ и сказанія преувеличенныя. Всякая истина въ умѣ массы принимаетъ свои видоизмѣненія, ослабляющія ее въ своемъ основаніи, и искажающія ее. Заблужденія, превратныя толкованія, предразсудки и суевѣрія въ видахъ преувеличенія ея значенія—есть обыкновенныя ея спутницы. Ихъ неизбѣгло и христіанство въ рукахъ невѣжественной массы и даже проповѣдниковъ его, увлека-

емыхъ страстями по видамъ земнымъ для видовъ земныхъ къ стыду человѣчества, къ оскорбленію небесъ, подъ знаменемъ которыхъ дѣйствуетъ и подвигается умъ, съ пути своего значенія совращенный. Такое положеніе христіанства дало слабое, но во всякомъ случаѣ оружіе противъ вѣры противникамъ вѣры. Доказано, что чѣмъ кто менѣе приготовленъ въ пониманіи ея, тѣмъ болѣе шумитъ и иногда увлекаетъ слабыхъ. Въ слабостяхъ представителей религіи, видятъ слабость религіи.

XLVI.

И Накулбакеви,—городъ древній, и укрѣпленіе его далеко до временъ Веспасіана существовавшее, и пещеры подвижниковъ, уцѣлѣвшія и церковь,—развалины отъ развалинъ сиротствующая, пусты. Пуста сцена, но полна воспоминаній о событіяхъ прошедшаго. Память народная, или что тоже исторія, выводитъ на арену лицъ, когда-то дѣйствовавшихъ, когда-то разсуждавшихъ и распѣвавшихъ пѣсни и въ честь огня персовъ, и въ честь боговъ Олимпа, который долго, долго еще будетъ небомъ

воображенія человѣческаго. Трудно безъ сочувствія къ этому мѣсту пройти молчаніемъ путнику, ищущему древностей. Однѣ только персы временъ ихъ паденія, пораженные слѣпотою Эдипа, не поняли для себя значенія Грузіи, какъ лучшаго своего Валистава. Нападали на нее и разрушали. Сочувствія къ нимъ нѣтъ въ исторіи народовъ, и путникъ невольно вспомнитъ и произнесетъ безсмертный стихъ Данте:

Non ragionar di lor, ma
guarda et passa.

Я не войду въ судъ объ нихъ;
Но взглянулъ я, и прошелъ мимо.

არ-ვიტყჳ მათთჳს სიტყჳასა,
მივხედე და წავედ გზასა.

Опустѣвшее это городище, звучное именемъ звучнымъ Веспасіана, грознаго покорителя Іерусалима, является въ географіи края краемъ апокалипсиса, пораженнымъ по гнѣву небесъ словами какого-то грознаго пророка. Ни одной въ немъ живой души. Ни какой говоръ человѣческій, не потрясаетъ его поэтической атмосферы на

высотѣ горъ и въ виду Мцхеты, Зедазени, церкви св. креста за Арагвою. Невидно на его высотахъ паденія благодатной росы Эрмона. Уединеніе это создано для поэта и философа, стихія которыхъ есть живописная натура вокругъ и вѣяніе симпатичное на нихъ парящихъ духомъ древности храмовъ и святилищъ, сообщающихъ имъ потокомъ обилія мысли высокія, глубокія, истинныя.

XLVII.

Я видѣлъ въ 1849 году въ Аттикѣ Синіумъ Платона и уцѣлѣвшій храмъ его времени и удивлялся идеямъ царя философовъ. Чего искалъ Платонъ на высотѣ Колоны въ Синіумѣ, богатомъ натурою, того обильно и плодовито отыщутъ философъ и поэтъ на этой высотѣ воздушной, проникаемой совсѣхъ сторонъ вѣяніемъ христіанскихъ памятниковъ. Истины христіанства есть и будутъ истинами человѣчества. Отстающій отъ нихъ и слишкомъ опережающій ихъ,—всегда будутъ въ опасности. Прогрессъ ихъ, въ приложеніи къ человѣчеству, есть и долженъ быть постепенный.

Вся эта, когда-то укрѣпленная мѣстность древняго торжища, извѣстна въ грузинскихъ лѣтописяхъ и въ устахъ народа подъ именемъ *карсани*. По древней географіи это кварталъ Мцхеты. Во времена язычества въ эпоху грубую и темную антропофагизма, онъ, по присловію, существовавшему еще при Вахуштѣ, долженъ былъ другому кварталу *Кодману* 5 труповъ человѣческихъ. Малая церковь карсанская во имя Божіей матери еще цѣла, какъ цѣлы еще по мѣстамъ пещеры, недоступныя для посѣтителей. Среди безлюдія вокругъ, водворились въ нихъ птицы и ласточки вьютъ себѣ гнѣзда. Онѣ замѣнили пѣніемъ своимъ пѣніе людей. Натура начинаетъ свой гимнъ тогда, когда человѣкъ оканчиветъ свой. По временамъ года мцхетцы водятъ на эти высоты скотъ для пастьбы, напоминающія нѣжный, буколическій стихъ царя римскихъ пѣвцовъ Виргилія:

Pascite, ut ante boves, pueri.

XLVIII.

Что такое эти пещеры? Онѣ эпохи дохристіанской. При укрѣпленіяхъ скалистыхъ

подобныя пещеры и тонели къ водѣ считались въ древности необходимыми. Троглодитскія работы въ криптахъ горъ не принадлежатъ къ эпохѣ циклоповъ, но являлись во всѣ времена. Во дни юности моей, дѣтская неосторожность возбудила мое любопытство проникнуть въ это орлиное гнѣздо надъ бѣздною обрыва. Съ товарищемъ моимъ по воспитанію, успѣлъ проникнуть не безъ страха въ одну изъ этихъ пещеръ, имѣвшихъ фигуру квадратную до $1^1/_2$ сажени съ такою же высотою. Вспоминаю теперь это мое похожденіе минувшихъ лѣтъ и прилагаю къ нему стихи Данте въ описаніи ужаса у дверей ада:

Per me si va nella citta dolente,
Per me si va nell' eterno doloré,
Per me va tra la perduta gente,
Lasciate ogni speranza voi ch' entrate.

ამა-გზით მოვლენ, აქ ქალაქსა სამწუხა-
როსა,
ამა-გზით მოვლენ, აქ სატანჯჳნ̂ლსა სა-
უკუნოსა,
ამა-გზით ნათესავისა მის, აქ დანთქმული-
სა შემოსჳ̂ალთ,

დასტოვეთ იმედი ყოველი, ვინცავინ აქ
შემოხჳალთ.

Христіанство, отнявъ эти пещеры у боговъ, дало имъ свое свѣтлое назначеніе. Оно обратило ихъ или въ молельни, или въ хранилища церковныхъ вещей, или въ жилище уединившихся на слезы, молитвы и жизнь созерцательную. Молитва — не есть изобрѣтеніе искуства. Она родилась въ моментъ перваго печальнаго вздоха сердецъ, при первомъ кликѣ радости. Въ ней только и видится божественное въ человѣкѣ, по натурѣ своей высокой, парящемъ къ безконечному. Молитва — это крылья души безсмертной, на которыхъ она возносится къ небесамъ или къ той сферѣ, которой она принадлежитъ по существу своему.

Изъ памяти къ нимъ древней и уваженія къ святынѣ, малой разрушенной церкви, приходятъ по обѣту богомольцы и утѣшаются молитвенно. Вокругъ, — пустыня безлюдная. Нѣтъ остатковъ зданій, украшавшихъ не только эту мѣстность древняго города, продолженія Армаза, извѣстнаго Птолемею и Плинію, но и всю линію

отъ юга на сѣверъ на протяженіи 3 или 4 верстъ горнаго и подгорнаго положенія до церкви св. Нины и ущелья армазскаго. Здѣсь, все напоминаетъ великую гробницу, потерявшую кости усипленыхъ и самыя камни ихъ покрывавшія. Въ лѣтописяхъ грузинскихъ пишется рапсодически, что *до Накулбакева продолжалось населеніе Мцхеты*. Довольно этихъ словъ для опредѣленія значенія описываемыхъ мѣстъ подъ перомъ историка поздняго. Остальное дополнится указаніями остатковъ слабыхъ и неслабыхъ, подробныхъ и отрывистыхъ народа царственнаго.

Я видѣлъ развалины Аѳинъ и Коринѳа, и безъ Павзанія они остались-бы тою загадкою для насъ, въ какую ставятъ насъ Накулбакеви, Накалакеви, Мцхетъ, Армастика—нѣмые свидѣтели минувшаго. Грузія не Греція, но назову ее страною *великихъ событій*, какъ назвалъ Эпаминондъ Грецію, свою отчизну. Грузія, къ услугамъ христіанскаго міра, оберегая ввѣренный провидѣніемъ ей отъ зари вѣковъ кавказскій перешеекъ, какъ великія врата изъ

Азіи въ Европу, сдѣлала больше, чѣмъ Грецiя съ ея шумными спорами о вѣрѣ, ее сразившими. Она не имѣетъ Ѳалесовъ, Анаксагоровъ, Фидіасовъ, но имѣетъ своихъ Леонидовъ, Кодровъ, Солоновъ, Аристидовъ и Сократовъ христіанскихъ. Она была крѣпкою стѣною противу напора завоевателей, смѣло шагавшихъ путемъ Кавказа въ Европу. Ея цари,— Карлъ Мартеллы противъ исламизма, постоянно сокрушавшагося у ея твердыхъ скалъ. Ея обитатели, рыцари креста, останавливали, какъ скала волны морскія, порывъ враждебный грозныхъ сыновъ магометанскаго фанатизма. Услуги этого христіанскаго царства для человѣчества, велики въ исторіи міровой. Оно, успокоенное нынѣ подъ сѣнію великаго русскаго царства, не можетъ ими не величаться. Православіе великаго народа русскаго прикрыло православіе грузинскаго царства щитомъ своимъ. Будетъ время, когда оно, торжествующее на Кавказѣ, введетъ и эти, прославившія вѣру и народъ имена въ свой обширный, полсвѣтный храмъ безсмертія

земнаго, историческаго, начальнаго шага къ безсмертію небесному. Единство вѣры есть единственное звено, соединяющее племена и народы. Единство общности идей, особенно религіозныхъ, творитъ могучую и полезную симпатію. Единство общности этихъ идей важнѣе и сильнѣе, чѣмъ общность отечества.

XLIX.

Иду дальше и останавливаюсь у моста мцхетскаго, перекинутаго чрезъ р. Куръ или Cyrus древнихъ географовъ. Мостъ этотъ, извѣстенъ подъ именемъ моста Помпея и Митридата. Здѣсь любилъ останавливаться царь Ираклій II (1744—1798), именуемый императрицею Екатериною II въ письмѣ къ Вольтеру *потомкомъ Митридата* (*). Родникъ живой воды по право-

(*) Вотъ и подлинныя слова императрицы къ Вольтеру (S. P. B. $^{2}/_{13}$ дек. 1770):

« . . . . M. Tottleben est allé attaquer Potis sur la mer Noire. Il ne dit pas grand bien des successeurs de Mitridate. Mais en revanche il trouve le climat de l'ancienne iberie le plus beau du monde. . . . . »

Въ перепискѣ Екатерины II съ Вольтеромъ, есть

му берегу Кура утолялъ его жажду. Этотъ родникъ вытекаетъ въ подножіи волканическихъ горъ, опоясывающихъ Мцхету съ юго-запада. Горы волканическаго образованія, по замѣчанію ученыхъ, не даютъ токовъ воды, какъ только нижними своими оконечностями. Этотъ самый родникъ свѣт-

---

я два указанія на Грузинъ и царя Ираклія. Одно изъ нихъ отъ Вольтера къ императрицѣ, а другое отъ императрицы къ Вольтеру. И то и другое помѣщаю и здѣсь, какъ матеріалъ для исторіи и для любопытства въ подлинникѣ.

. . . . Il parait un manifeste des Géorgiens, qui declare net qu'ils ne veulent plus fournir des filles à Mustapha. Je souhaite que cela soit vrai, et que toutes leurs filles soient pour vos braves officiers, qui le méritent bien; la bauté doit etre la recompanse de la valeur . . . . . .

A Ferney 2 janvier 1770.

. . . . . Le Géorgiens en effet ont levé le bouclier contre les Turcs, et leur refusent le tribat annuel de recrues pour le sérail. Héraclius, le plus puissant de leurs princes, est un homme de tete et de courage. Il a sidevant contribué à la conquéte de l'inde, sous le fameux Chah-Nadir. Je tiens cette anecdote de la propre bouche du pere d'Héraclius, mort isi, à Pètersbourg, en 1762 . . . . . .

Le $^{2}/_{13}$ janvier 1770.

ჯ-10 ლ. п. 2/520

лой, холодной, легкой и пріятной воды, нынѣ заброшенъ, заваленъ кучею мусора исправителями шоссейной дороги. Въ замѣнъ этой воды, когда-то отысканъ другой родникъ соленоватой воды, и онъ, богато помѣщенный въ каменномъ бассейнѣ, изсякъ недавно. Такова исторія древняго родника, напоявшаго проѣзжавшихъ черезъ мостъ. Никто болѣе его не видитъ, ни чьей уже жажды онъ не утоляетъ, кромѣ меня, жадно собирающаго капли тѣхъ свѣдѣній, которыя недолжны пропадать для потомства.

L.

Заключу мой первый разсказъ дорожный элегическимъ стихомъ грузинскаго поэта Шоты Руставели:

გახრულდა მათი ამბავი, ვითა ხიზმარი ღამიხა.

Кончился, изсякъ разсказъ о нихъ, какъ сновидѣніе ночное пробужденнаго.

Строфа 1589.

Т 178
1